

174511

С. Ф. МАРКОВ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
УКРАИНСКОГО
НАРОДА
ПРОТИВ
ГЕРМАНСКИХ
ИНТЕРВЕНТОВ
в 1918 ГОДУ**

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1941

С. Ф. МАРКОВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
УКРАИНСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ
ИНТЕРВЕНТОВ
В 1918 ГОДУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Германское нашествие на Украину и борьба с ним украинского народа	6
Глава II. Захват Украины германскими интервентами и установление колониального режима	16
Глава III. Отечественная война украинского народа против германских интервентов	27
Глава IV. Разгром германских интервентов в конце 1918 г.	51
<i>Приложение</i>	
От Центрального повстанческого комитета. Краткая инструкция местным повстанческим комитетам	62

Редактор *И. Менько*

Подписано к печати 26 сентября 1941 г. А 43926. Объем 4 п. л. 47 тыс. зн. в 1 п. л.
Заказ № 705. Цена 60 коп.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва,
Краснопролетарская, 16;

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обнаглевший кровавый фашизм, поработивший народы Европы, вероломно, предательски напал на СССР. Народы Советского Союза поднялись на великую *отечественную* войну против зарвавшихся фашистских разбойников. Доблестная, непобедимая Красная Армия, Красный Военно-Морской Флот и бесстрашные соколы нашей Родины—советские летчики—беспощадно громят полчища фашистских варваров.

Великий русский народ на протяжении своей героической истории не один раз жестоко расправлялся с чужеземными захватчиками, пытавшимися посягнуть на его свободу и независимость. Еще на заре образования русского национального государства, в 1242 г., в героической битве, вошедшей в историю под наименованием Ледового побоища, русские войска под руководством Александра Невского наголову разбили закованные в стальные латы полчища немецких псов-рыцарей. От русского же оружия нашла свою гибель рать Тевтонского рыцарского ордена в памятной Грюнвальдской битве (1410 г.).

В Семилетнюю войну 1756—1763 гг. доблестная русская армия под начальством генерала-фельдмаршала Салтыкова в сражении при Кунерсдорфе (1 августа 1759 г.) наголову разбила 70-тысячную прусскую армию, которой командовал сам Фридрих II. Через год после этого, 28 сентября 1760 г., русские войска под командой генерала Чернышева захватили столицу Пруссии—Берлин. Считавшаяся в то время в Западной Европе «непобедимой» армия Фридриха II, встретившись с русскими полками, панически бежала, побросав всю артиллерию, снаряжение и раненых. Взятые в плен прусские офицеры заявляли, что «никогда не видывали большего смятения, как в каковом бежали их войска из-под Берлина, что не токмо в лесу многие пушки в болото побросали, но что люди сами себя давили...»

Так беспощадно уничтожала русская армия потомков немецких псов-рыцарей во всех войнах за свою национальную независимость.

После Великой Октябрьской социалистической революции германская военщина организовала вооруженное нападение на молодую Советскую республику. В союзе с русскими, украинскими, белорусскими и финскими белогвардейцами, помещиками и капиталистами

она пыталась превратить Советскую Украину, Белоруссию, Крым, Закавказье и Прибалтику в свою колонию, в «восточное генерал-губернаторство».

Первый отпор германские интервенты получили от создававшейся тогда Красной Армии под Псковом и Нарвой. Используя предательство замаскированных врагов народа—Троцкого, Бухарина, немцы захватили Советскую Украину, Белоруссию и Прибалтику.

Германские империалисты и их верные слуги—кайзеровская военщина—издавна лелеяли мечту о захвате Украины, предполагая использовать ее как плацдарм для дальнейшего продвижения на восток. Немецкие публицисты на всякие лады расписывали те радужные перспективы, которые ожидают немцев, или, точнее говоря, немецких юнкеров (помещиков) и промышленников, в случае реализации плана «Drang nach Osten» (движение на восток).

Однако планы расчленения России и захват ряда ее областей (Прибалтики, Польши и особенно Украины, Кавказа и Закавказья) получили свое непосредственное выражение в программе германского правительства и военного командования только после падения царского режима в России и установления диктатуры пролетариата. Таким образом, практически реализация этой восточной программы германского империализма началась тогда, когда в России победила пролетарская революция, и сама программа «движения на Восток» превратилась по существу в программу борьбы с большевизмом, с диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства.

Но наступлению германских интервентов трудящиеся Украины, Белоруссии и Прибалтики оказали самое решительное сопротивление. На борьбу с иноземными завоевателями поднялся весь народ. Рабочие и крестьяне повсюду создавали партизанские отряды, вооружались и выступали против захватчиков. Особенно упорное сопротивление немецкие захватчики встретили со стороны рабочих Донбасса. Каждую пядь родной земли донецкие пролетарии отдавали только после того, как она была обильно смочена кровью врага.

Связанная тяжкими условиями «похабного» Брестского договора, обессиленная четырехлетней войной, Советская республика не могла оказать открытой помощи братскому народу Советской Украины. С помощью полумиллионной оккупационной армии и при поддержке украинской буржуазии, помещиков и русских белогвардейцев немецкая военщина захватила Украину и установила на всей ее территории варварский колониальный режим.

Летом 1918 г. поднялся весь украинский народ на великую отечественную войну против дикого варварства и каннибальского колониального режима германских интервентов. Рабочие Киева, Харькова, Екатеринослава, Луганска и других украинских городов и рабочих поселков, крестьянство украинской деревни вооружались оружием, вырванным у своего врага, били немцев и их холопов—гайдамаков, помещиков и белогвардейцев.

В своем выступлении на заседании ВЦИК 23 декабря 1918 г. товарищ Сталин дал следующую оценку обстановке, создавшейся к

зиме 1918 г. на Украине: «Товарищам известен этот период с его принципами «гуманности», с расстрелами и с самой кровавой каннибальской расправой с рабочими и крестьянами. Тем не менее этот период не прошел даром для рабоче-крестьянской республики. Рабочие и крестьяне испробовали на себе всю тяжесть империалистического гнета и сознали, что только советская Россия, только неразрывная связь с нею, может спасти их от гнета империализма»¹.

Под ударами частей Красной Армии и восставшего украинского народа германские интервенты позорно бежали с Украины. Старики, женщины и даже дети взялись за оружие, чтобы изгнать германских варваров со своей родной земли. Охотничьими ружьями, косами, вилами и топорами свободолюбивые украинцы уничтожали отряды интервентов, пытавшихся оказать им сопротивление. Тысячами могил интервентов покрылись широкие украинские степи. К началу 1919 г. враг был полностью изгнан со свободной украинской земли.

Как и 23 года тому назад, оголтелый враг предательски бросился сейчас на наши рубежи, рассчитывая неожиданностью удара застать нас врасплох.

Но коварный враг просчитался.

Весь наш народ поднялся на защиту своей страны. Героически сражаются доблестные воины Красной Армии за честь и независимость своей Родины.

Враг будет разбит и уничтожен—такова воля советского народа. Последние выродки бешеных германских псов вместе с кровожадным псом Гитлером будут стерты с лица земли. Народы Европы и всего мира будут освобождены от хищного безумствующего чудовища.

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 1235, оп. 22, д. 36, л. 1—2.

ГЛАВА I

ГЕРМАНСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА УКРАИНУ И БОРЬБА С НИМ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Когда после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России правительство Советской республики обратилось с предложением о мире ко всем воюющим странам, правительство кайзеровской Германии и германское военное командование сделали вид, что принимают это предложение.

Однако, начав мирные переговоры, германское командование вовсе не предполагало заключить мир с Советской Россией. Брестские переговоры нужны были германскому командованию только как ширма, маскирующая подготовку вероломного нападения на страну, предложившую заключить демократический мир. Давно мечтая о захвате земель, принадлежавших народам России, германская военщина хотела авантюристически использовать в своих захватнических целях лозунг «Самоопределение народов вплоть до полного отделения», провозглашенный советским правительством в первые же дни пролетарской революции.

Этот лозунг германский империализм рассчитывал использовать не только в целях захвата и присоединения к Германии западных и южных территорий Советской республики (Прибалтики, Польши и особенно Украины и Закавказья), но и в целях полного расчленения России на отдельные небольшие, находящиеся в вассальной зависимости от Германии государства. Непременным условием при этом считалось низвержение советской власти и восстановление рабских капиталистических порядков на всей территории Советской республики. Поэтому в то же время, когда происходили мирные переговоры с советской делегацией в Бресте, германское командование вело закулисные переговоры с представителями контрреволюционных буржуазных националистических партий национальных окраин России. Заключение сепаратных договоров о «дружбе» и «братской помощи» с контрреволюционными националистическими организациями этих окраин должно было «оправдать» подготовлявшееся германской военщиной нападение на Советскую республику.

Кроме такого рода дипломатической подготовки германское правительство вело соответствующую политическую и идеологическую подготовку к предстоящему нападению на социалистическое государство. По заданию правящей военной клики десятки германских публицистов придумывали различные варианты «исторических» прав гер-

манского «народа» на исконные земли народов Советской республики. Особый интерес при этом германскими хищниками проявлялся к Советской Украине, имеющей не только плодородные земли и хорошо развитое сельское хозяйство, но и большое количество ископаемых богатств, а также представляющей собой прекрасный плацдарм для дальнейшего продвижения на восток.

Однако такого рода пропаганда «исторических» прав не имела успеха в тех слоях германского народа, руками которых германские империалисты готовились задушить Советскую республику.

Для начала нападения на Советскую республику и захвата Украины германской военщине нужен был лишь повод. Этот повод ей был услужливо предоставлен предателем революции Троцким, «левыми коммунистами» и изгнанной украинским народом контрреволюционной Центральной радой. Вопреки указанию Ленина и Сталина, немецкий холоп Троцкий 10 февраля 1918 г. прервал мирные переговоры в Брест-Литовске. Отказ Троцкого подписать мирный договор германское командование использовало для наступления по всему восточному фронту. Известный провокатор войны генерал Гофман тогда цинично заявлял, что если Троцкий еще месяц будет оставаться на своем посту, то немецкая армия займет Петроград. Немецкие империалисты по заслугам оценили предательство Троцкого интересов советской страны.

Расчеты германских интервентов захватить сердце революционной России—Петроград—потерпели крах потому, что на борьбу с немецким нашествием поднялся весь пролетариат Петрограда, Нарвы, Пскова и других городов. Благодаря беспримерному героизму красногвардейских отрядов красный Петроград был спасен от захватчиков. Однако немецкими войсками к этому времени уже оказались занятыми области Прибалтики, Белоруссии и часть Правобережной Украины. Получив отпор под Нарвой и Псковом, германские интервенты продолжали наступление на юго-западном фронте.

21 февраля ими был взят Новоград-Волынский. Полчища германских интервентов приближались к Житомиру. Революции угрожала смертельная опасность.

23 февраля 1918 г. Центральный Комитет партий, игнорируя сопротивление Троцкого и его прихвостней, постановил принять условия немецкого командования и подписать мирный договор.

Страна Советов была выведена из войны и получила передышку, с тем чтобы подготовить силы и перейти в контрнаступление на немецких захватчиков.

Однако врагам советского народа удалось осуществить часть своих коварных замыслов. Германский империализм получил «законное» право на захват Прибалтики, Финляндии и Украины.

Захвату Украины немецкой оккупационной армией предшествовали переговоры, которые велись между контрреволюционной Центральной радой, изгнанной украинским народом из Киева, и представителями германского военного командования в Брест-Литовске. Для того чтобы завуалировать свои захватнические цели перед лицом

широкого общественного мнения трудящихся своей страны, немцы инсценировали комедию обращения «представителей» Украины за помощью к правительству Германии. Приглашение Центральной радой германской армии на Украину было нужно германскому командованию для обмана трудящихся. Оно пыталось изобразить себя «освободителем» Украины от «большевистского ига».

Украинская буржуазия и помещики, так же как и их русские партнеры по эксплуатации рабочих и крестьян, готовы были скорее согласиться на потерю национальной независимости «своей» страны, чем примириться с фактом существования Советов.

Германская делегация в Бресте отказалась вести какие-либо переговоры с представителями уже образовавшегося советского правительства Украины и заключила сепаратный договор с Центральной радой, не имеющей за собой ни народа, ни территории, за исключением разве той, которую занимала ее делегация в Брест-Литовске.

Извещая телеграммой 9 февраля 1918 г. советскую делегацию в Бресте об окончательном изгнании из Киева бывшей Рады и установлении на всей территории Украины советской власти, товарищ Сталин указывал, что «...Если немцы затевают новую эмскую депешу, заключая договор с мертвецами, то пусть знают, что они сделаются посмешищами всего мира. Своими хитросплетениями, с проводами немцы могут скрыть истину скажем на один день, заключая договор с мертвецами, но неужели непонятно, что шила в мешке не утаишь»¹.

Несмотря на то что на Украине уже повсюду была установлена советская власть, правительство кайзера заключило договор с мертвецами из несуществующей Центральной рады и тем самым объявило войну украинскому народу.

Захват Украины германское военное командование рассчитывало произвести путем нанесения «короткого удара» тем немногочисленным отрядам советских украинских войск, которые в общей сложности не превышали 15—20 тысяч человек.

Всю операцию по захвату Украины немцы полагали провести в месячный срок с помощью всего лишь шести дивизий. Все свои остальные силы немецкое главное командование рассчитывало перебросить с восточного на западный фронт. Однако эти расчеты, как показала история, были опрокинуты украинским народом, поднявшимся на защиту своей Родины и свободы.

Почувствовав силу сопротивления советских войск и упорство в борьбе всего украинского народа, интервенты сразу же были вынуждены принять меры к увеличению числа дивизий интервенционной армии, доведя их к концу апреля 1918 г. до 34 (29 пехотных и 5 кавалерийских). Общая численность оккупационной австро-германской армии составляла 450—500 тысяч человек при 2630 орудиях, 7680 ручных и 4200 станковых пулеметах и других видах вооружения.

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 59, л. 191.

Важнейшим направлением для захвата Украины германское военное командование считало Киев—Полтава—Харьков—Луганск—Ростов. Захват этого направления обеспечивал выполнение всех задач, поставленных интервентами, т. е. давал возможность уничтожить Советы в важнейших административных и промышленных центрах Украины, захватить запасы сырья и продовольствия, укрепить тыл контрреволюционного «всевеликого войска Донского» и, наконец, отрезать Советскую Россию от ее черноморских коммуникаций и от революционного Черноморского флота.

Таким образом, трудящиеся только что образовавшейся Украинской Советской республики оказались под ударом нашествия полумиллионной вымуштрованной, хорошо вооруженной армии германских империалистических хищников.

Но весь народ, как один человек, невзирая на превосходство и внезапность нападения врага, поднялся на защиту своей Родины.

* *
* *

Анализируя обстановку на Украине в начале германской оккупации, товарищ Сталин в статье «Украинский узел» 14 марта 1918 г. писал:

«Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского,—таков смысл нашествия с Запада.

Это чувствует, повидимому, украинский народ, лихорадочно готовясь к отпору. Формирование крестьянской Красной армии, мобилизация рабочей Красной гвардии, ряд удачных стычек с «цивилизованными» насильниками после первых вспышек паники, отобрание Бахмача, Конотопа, Нежина и подход к Киеву, все усиливающийся энтузиазм масс, тысячами идущих на бой с поработителями,—вот чем отвечает народная Украина на нашествие насильников.

Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную *отечественную* войну,—таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит—каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом.

Это значит—Украина должна быть форменным образом завоевана для того, чтобы получить немцам хлеб и посадить на трон Петлюру—Винниченко.

«Короткий удар», которым немцы рассчитывали убить сразу двух зайцев (и хлеб получить, и Советскую Украину сломить), имеет все шансы превратиться в затяжную войну иноземных поработителей с двадцатимиллионным народом Украины, у которого хотят отнять хлеб и свободу.

Нужно ли прибавлять, что украинские рабочие и крестьяне не пожалеют своих сил для героической борьбы с «цивилизованными» насильниками.

Нужно ли еще доказывать, что *отечественная* война, начатая на Украине, имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны всей Советской России»¹.

Товарищ Сталин был прав.

За власть Советов, за свою Родину, против колониального рабства, голода, нищеты, насилия, режима виселиц и расстрелов, принесенных германскими насильниками, встал украинский народ, подняв отечественную войну против поработителей.

Уже на третий день после начала германского наступления, 21 февраля 1918 г., Совнарком РСФСР обратился с воззванием ко всему трудящемуся населению с призывом стать на защиту социалистического отечества, против нашествия немецких оккупантов, которые стремятся поработить рабочих и крестьян советской страны и восстановить капиталистический строй.

В соответствии с этим ЦИК Советов Украины 22 февраля 1918 г. обратился с воззванием ко всему населению, в котором призывал весь народ подняться для борьбы с иноземными завоевателями:

«Организуйте свои партизанские отряды, взрывайте на воздух мосты, железные дороги, шоссейные дороги, вывозите или уничтожайте во время отступления хлеб и все, чем могли бы воспользоваться голодные разбойничьи банды...

Пусть знают насильники, что всюду на своем пути они встретят решительный отпор. Пусть знают, что лишь через наши трупы войдут они в столицу Украины».

Защищать советскую Родину поднялся весь украинский народ. Поднялись шахтеры Донбасса, рабочие Харькова и Николаева, крестьяне Киевщины, Полтавщины и Черниговщины. В короткое время почти вся территория Украины покрылась множеством красных партизанских отрядов. Каждая шахта, каждый завод, каждая деревня представляла свой партизанский отряд.

На своих собраниях рабочие требовали «поголовного вооружения» для отпора натиска германских интервентов.

Вместе с рабочими против интервентов выступали и крестьяне, организуя свои красные партизанские отряды.

Съезд Советов крестьянских депутатов Александровского уезда по вопросу о немецкой интервенции принял следующую резолюцию:

«В связи с наступлением на Российскую Советскую республику немецких войск, руководимых немецкими генералами и юнкерами, заключившими союз с контрреволюционной бывшей Радой... уездный съезд Советов призывает всех, кому дороги интересы страны, вступить в ряды бойцов за ее идеалы, приступив к немедленной организации Красной Армии и местных Советских партизанских боевых дружин».

Как сообщала газета «К оружию», в селе Хурняковке, Сквирского уезда, Киевской губернии «совершенно самостоятельно организовался добровольческий отряд». Этот отряд дважды отбивал попытки немецкой части занять село.

¹ Сталин, Сборник «Статьи и речи об Украине», 1936, стр. 40—41.

Крестьянский сход деревень Ново-Никольской, Давыдовки, Ивановки и Анастасьевки, Давыдово-Никольской волости, Славяно-сербского уезда, постановил: «Организовать Красный партизанский отряд».

По всему пути наступления австро-германских войск, от самых западных границ вплоть до северных границ Украины у Воронежской и Курской губерний и на востоке у границ Донской области, пролетариат и крестьянская беднота Украины с помощью братского русского народа оказывали самое упорное вооруженное сопротивление оккупантам.

Под Полтавой пятитысячный отряд красногвардейцев в течение нескольких дней сдерживал наступление двух германских корпусов.

В боях за форсирование реки Ворсклы немцы потеряли не одну сотню своих солдат и офицеров. Красногвардейцы показали здесь чудеса храбрости и героизма.

Красногвардейские отряды рабочих Херсона не один раз заставляли отступить немецкие полки во время двухнедельной обороны своего родного города. На каждой улице немцев встречали пулеметы и ружейные залпы. С крыш и из окон домов на их головы сыпались ручные гранаты, кирпичи и камни. Даже дети в этих районах, как отмечала газета «Солдат и рабочий», и то не покладая рук работали наравне со взрослыми: носили снаряды, пищу, перевязочные материалы и даже сами участвовали в боях. Только лишь подтянув к городу значительное количество сил, немцы с большими потерями смогли его захватить.

Так же героически боролись и рабочие Николаева, где уже на второй день после его занятия немцами началось восстание. На улицы вышли вооруженные рабочие и бывшие солдаты-фронтовики. Каждый дом превратился в крепость. С невиданным упорством красногвардейцы отстаивали каждую пядь родной земли.

Вместе с рабочими на борьбу с оккупантами поднималась и крестьянская беднота.

Целые полки и эскадроны германских войск уничтожались партизанскими крестьянскими отрядами.

Как сообщала газета «К оружию», в одной из деревень Вольнской губернии, «находящейся вправо от дороги, ведущей от Почаевской Лавры на Кременец, крестьяне здорово расчистили немцев. Шел немецкий батальон. Крестьяне выставили пулеметы и встретили немцев сильным огнем. Много немцев было перебито, и батальон был вынужден удрать во все лопатки».

В другом случае группа крестьян-партизан Лохвицкого уезда заставила разбежаться целый эшелон немецких войск.

Оккупанты старались двигаться только крупными отрядами, и то по линии железных дорог, под прикрытием аэропланов и бронепоездов.

Отряды разведчиков и сторожевые разъезды, останавливавшиеся в деревнях для ночлега, к утру бесследно пропадали, а селяне оказывались вооруженными винтовками немецкого образца.

На зверства, коварство и жестокость немецких оккупантов крестьяне Украины отвечали не меньшей жестокостью. «Убийственное впечатление на немцев,—писала газета «Известия юга»,—произвел случай в селе Воробы, где погиб их разведочный отряд в числе 17 человек. Отряд прибыл в Воробы поздно вечером и расположился на ночлег. Утром они все были найдены мертвыми»¹.

В середине марта весь пролетарский Донбасс покрылся сетью отрядов Красной гвардии. Почти все рудники, фабрики, заводы организовали свои вооруженные отряды. Во многих местах прекратились работы, так как все рабочие уходили в Красную гвардию. Непосредственными организаторами отрядов Красной гвардии были местные большевистские ячейки. На фабриках, заводах, в селах и деревнях большевики создавали отряды Красной гвардии, наспех обучая рабочих военному делу, формируя из них взводы, роты и батальоны.

Учитывая общую обстановку на фронтах Украины, угрожавшую захватом германскими дивизиями важнейшего не только в стратегическом, но и в экономическом отношении района—Донбасса, «Всероссийской кочегарки», как его называл В. И. Ленин, Центральный Комитет партии, Ленин и Сталин принимают решение послать на Украину К. Е. Ворошилова.

Тов. Ворошилов получил задачу—организовать разрозненные партизанские отряды и отряды Красной гвардии в один мощный кулак, способный остановить продвижение немцев к Донбассу. В конце февраля 1918 г. т. Ворошилов приехал из Петрограда в Харьков, а затем, в начале марта в крепость большевиков Донбасса—Луганск.

Пролетариат Донбасса с радостью встретил т. Ворошилова.

5 марта т. Ворошилов обратился со следующим воззванием к рабочим Донбасса:

«Грозный час настал. Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность.

Товарищи! В нас самих решение своей судьбы. От нас зависит спасти свою родину. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством петлюров, винниченков и прочих предателей украинского народа.

Товарищи! Все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России... все до единого—к оружию. С оружием в руках, стройными железными рядами ударим на врагов труда, на трутней, на белогвардейцев немецких, великорусских и украинских.

За нами правда! В нас сила! Мы победим!»

В ответ на призыв поднялись шахтеры, литейщики, слесари, краповщики—весь пролетариат Донбасса. С помощью своего друга и соратника т. Пархоменко т. Ворошилов в течение нескольких дней создал 1-й Луганский отряд, в который вошло более шестисот кадровых рабочих шахт и заводов Луганска. Совет рабочих депутатов

¹ «Известия юга» № 34 от 28 марта 1918 г.

Луганска обратился к рабочим бывшего Гартмановского¹ завода с просьбой оборудовать три бронеплощадки и бронепаровоз для отряда т. Ворошилова. Ночью и днем работали гартмановцы над сооружением бронепоезда.

10 марта 1918 г. отряд т. Ворошилова двинулся из Луганска к Харькову, чтобы запереть вход в Донбасс германским дивизиям, выбить их из района Конотоп—Бахмач.

Объединить многочисленные мелкие и разрозненные отряды стоило не малого труда.

На станции Ворожба т. Ворошилову удалось создать штаб партизанских отрядов Ворожбинского района. Имея своим ядром Луганский отряд, партизаны повели наступление на Конотоп, занятый частями 27-го германского корпуса. Здесь в бою у села Дубовязовки отряд т. Ворошилова получил боевое крещение. Произошел упорный бой, в котором германские части потерпели жестокое поражение и, понеся большие потери, были вынуждены отступить. Этим боевым эпизодом, в котором сравнительно небольшая горсточка рабочих-партизан с примитивным броневиком и несколькими пушками заставила отступить значительно превосходящие по количеству, хорошо вооруженные и обученные германские регулярные части, началась героическая деятельность народного полководца маршала Ворошилова.

Первые бои с германскими оккупантами в марте 1918 г. показали т. Ворошилову, что без коренного изменения способов ведения войны вся кампания может быть обречена на неудачу. Для него ясно было, что предстоят не отдельные лихие схватки с противником, а продолжительная борьба, которую можно вести только по всем правилам современного боя, и что для этого необходимо все рабочие партизанские отряды свести в одно оперативное целое—в армию. С этим намерением и повел свой отряд т. Ворошилов в Луганск.

Пролетарский Луганск, бывший крепостью большевиков Донбасса, теперь стал источником вооруженных сил пролетарской революции, источником формирования рабочих отрядов для борьбы с чужеземной интервенцией на Украине. Большевики патронного и бывшего Гартмановского заводов явились тем ядром, вокруг которого формировалась ворошиловская армия.

Получив пополнение и довооружив свой отряд, Ворошилов 15 апреля 1918 г. двинулся в направлении на Сватово, заняв вблизи его район станции Кабанье. В это время на соседнем участке Купянск—Сватово вели бои с немцами отдельные отряды, входившие в состав V армии. Когда Ворошилов подошел к Кабанье, эти отряды уже были разбиты и, оставив Купянск, отступали через Сватово на Кабанье.

В тот же день, 15 апреля 1918 г., Совнарком Донецко-Криворожской республики назначил т. Ворошилова командующим V Украинской армией.

Потеря Сватово означала потерю важного стратегического участка. Из Сватово шел прямой железнодорожный путь непосредственно

¹ В настоящее время Ворошиловградский паровозостроительный завод.

в Донецкий угольный бассейн, который стремились захватить немцы. Из Сватово же шло шоссе на Старобельск и далее к восточным границам Украины, к районам формирования белоказачьих банд Донской области, сомкнуться с которыми спешили немцы.

Выдвижение заслона из Кабанье на Сватово уже не могло спасти положения. Силы противников были слишком неравными.

Ко времени боевых действий армии т. Ворошилова в районе Кабанье—Сватово остальные армии фронта должны были сдерживать противника в районе станции Лиман. Они имели следующие задачи: I армия—наступление на Синельниково со стороны Александровска; II армия—повторный удар на Павлоград—Синельниково; III армия—удар на Лозовую. Эти действия были рассчитаны на то, чтобы заставить немцев приостановить движение на Старобельск, дать возможность V армии Ворошилова развернуться и начать наступление с помощью II армии на Купянск—Узловую.

Однако III армия, сдерживавшая немцев в районе Славянск—Борвенково, под напором превосходящих сил противника, имевшего тяжелую артиллерию, начала отход в направлении Краматорск—Константиновка—Никитовка—Дебальцево, неся при этом значительные потери. Бойцы этой армии проявили невиданный в истории героизм. Так, например, желая спасти левый фланг своей армии, славный Андреевский большевистский батальон имени Ленина, будучи наполовину уничтожен, своим самопожертвованием прикрыл отход армии.

В другом случае во время боя пехота революционной армии выказала чудеса храбрости и выносливости: в апреле, когда еще стояли холода, пехота по пояс в воде штурмовала неприятельские позиции.

К 20 апреля 1918 г. единственной действующей в Донбассе против германских интервентов остается армия т. Ворошилова. Трехтысячная армия полураздетых, слабо вооруженных рабочих-бойцов—против сорокатысячной вымученной армии захватчиков. Неравенство больше чем значительное.

В этих условиях командующий V армией т. Ворошилов должен был организовать отход эшелонов своей армии, сохранить кадры рабочих-партизан, вывести из занятых районов все ценное оборудование, запасы готовой продукции и значительный парк железнодорожного имущества. Все, что нельзя было эвакуировать, нужно было уничтожить. Противник не должен был что-либо получить в захваченном им Донбассе.

Из Кабанье десятки эшелонов ворошиловской армии начали планомерно отходить на Лисичанск—Нырково—Сентяновку—Родаково. Часто эшелоны двигались под обстрелом немецкой артиллерии. Немцы всеми способами пытались остановить движение их. Так, они намеревались было взорвать железнодорожный мост через Северный Донец к северу от станции Несветичево и захватить эшелоны в ловушку. Но осуществить этот план им не удалось. Последний штабной эшелон уже миновал мост, когда немцы открыли по нему артиллерийский огонь.

24 апреля эшелоны V армии прибыли на станцию Родаково; сюда же отступили сохранившиеся отряды донецкой армии. Под огнем тяжелой артиллерии немцев т. Ворошилов с помощью энергичного начальника своего штаба т. Руднева проводил переформирование отрядов V армии, включая в них и другие отряды, прибывшие на станцию Родаково. Одновременно т. Ворошилову приходилось выработать план и лично руководить эвакуацией всего ценного имущества рудников, фабрик и заводов.

На участке Родаково—Меловая отрядам V армии пришлось в течение четырех дней сдерживать упорные атаки немцев. Со стороны немцев здесь действовало больше двух дивизий, не считая значительных по количеству сил гайдамацких банд. Ворошиловские отряды, уже закаленные в боях с интервентами, стойко выдерживали все атаки противника и часто сами переходили от обороны к наступлению. Не один раз во время этих боев на участке Родаково—Меловая немцы обращались в паническое бегство, оставляя оружие, имущество и раненых.

Вот один из характерных боевых эпизодов, происходивших 24—28 апреля в этом районе. Один из наших отрядов правого фланга «цепью бросился вплавь через реку Луганку и ринулся в атаку, несмотря на ураганный пулеметный огонь противника. Немцев сбили с позиции, они бежали, бросив орудия, пулеметы и санитарное имущество, вплоть до самого Донца, где часть из них утонула, а часть переправилась на другой берег».

Упорное сопротивление, оказанное V армией, дало возможность эвакуировать из Луганска более тысячи вагонов всевозможного ценного имущества и оборудования. Луганчане выполняли задание т. Ворошилова: «Не оставлять и ломаного гвоздя врагу!» 28 апреля эвакуация Луганска была закончена, и эшелоны ворошиловской армии начали свой героический отход на Царицын,—не менее героический, чем защита Донбасса.

К 4 мая 1918 г. австро-германским оккупационным войскам удалось выйти на линию Новозыбков—Новгород-Северск—Хутор-Михайловский—Ростов. Немцы пытались было перерезать движение эшелонов V армии, сосредоточившихся на станции Каменская. Чтобы обеспечить отход армии и эшелонов к станции Лихая и далее на Царицын, т. Ворошилов решил дать встречный бой наступающим немецким частям. Упорные бои продолжались несколько дней.

Под руководством т. Ворошилова, неоднократно лично водившего бойцов в наступление, противник был подавлен. Эшелоны и армия получили возможность продолжать движение на Лихую. 1 мая передовые эшелоны армии заняли станцию Лихая. Последние бои с немецкими захватчиками ворошиловская армия вела с 7 по 11 мая у станции Белая Калитва. Немцы не раз переходили в бешеную атаку на Белую Калитву, но безуспешно. Несмотря на значительное превосходство сил противника, т. Ворошилов сумел организовать отпор всем атакам и освободить путь для движения к Царицыну.

ЗАХВАТ УКРАИНЫ ГЕРМАНСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ И УСТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

По мере того как германские дивизии продвигались на восток, захватывая все новые районы Украины, германская военщина устанавливала в оккупированных районах режим виселиц, расстрелов, насилия, голода и колониального рабства.

С помощью гайдамацких отрядов контрреволюционной буржуазно-националистической рады, предавшей свой народ, оккупанты превращали Украину в германское генерал-губернаторство. Так называемое правительство Центральной рады для германского военного командования было не чем иным, как политической ширмой, прикрывавшей истинные замыслы интервенции.

Возвратившись в Киев с помощью германских штыков, Рада была послушной марионеткой в руках кайзеровских генералов.

Административный аппарат «законного» украинского правительства был всецело поставлен на службу интервентам. Генеральный секретариат услужливо помогал немцам грабить украинский народ.

Министерство продовольствия правительства Центральной рады стало своего рода придатком к германскому центральному заготовительному бюро в Киеве.

Несмотря на заверение Центральной рады дать немцам миллион тонн хлеба до 31 июля, поставка шла крайне медленно. Германское министерство иностранных дел писало своему послу в Киеве барону Мумму о том, что следует напомнить Центральной раде об условиях оказания помощи украинской буржуазии. «Необходимо постоянно указывать правительству Рады, что мы выполнили ее просьбу об укреплении ее положения, но, с другой стороны, мы вынуждены требовать, чтобы были приняты все меры к обеспечению вывоза хлеба».

Крестьяне отказывались давать хлеб захватчикам.

Генерал Гренер¹ писал 31 марта 1918 г. послу Мумму: «Судя по впечатлениям, которые создались у наших командиров об условиях на селе, я считаю далеко не исключенным, что, несмотря на

¹ Начальник штаба немецкой оккупационной армии.

то что правительство и проводит желательные нам мероприятия, на селе никто не думает о выполнении его распоряжений».

Рада была бессильна что-либо предпринять.

«Нынешнее украинское правительство,—телеграфировал военнополномоченный в Киеве германскому верховному военному командованию,—в свое время было подходящим инструментом для заключения мира, но в настоящий момент его власть не простирается дальше власти наших штыков».

Убедившись, таким образом, в беспомощности Центральной рады, германские империалисты решили покончить с ней. 23 и 24 апреля на совещании у генерала Гренера дискуссировался вопрос, стоит ли взамен Центральной рады создавать какую-либо новую украинскую вывеску, или просто объявить Украину германским генерал-губернаторством?

Между генералитетом армии и дипломатическими представителями было некоторое «разногласие» по этому вопросу. Первые были сторонниками решительных военных мер, вторые предлагали план постепенного превращения Украины в германское генерал-губернаторство.

Разгон Центральной рады и ликвидация ее правительства были произведены не только в интересах германского военного командования. Одновременно выдвигались и совершенно отчетливые требования украинских и русских (на Украине) помещиков о замене Рады другой властью. Бессилие Рады подавить революционное движение рабочих и крестьян Украины толкало украинскую буржуазию на заключение любой ценой союза с германскими оккупантами. Об этом свидетельствует и принятие программы, намеченной к проведению гетманским правительством, точнее—предложенной немцами этому правительству, и «добровольное» избрание кулацко-помещичьим съездом 29 апреля 1918 г. ставленника украинской буржуазии и германского военного командования генерала Скоропадского «гетманом всея Украины».

Вступив в соглашение с украинской буржуазией и помещиками по вопросу о программе дальнейшей деятельности украинского правительства и «избрания» Скоропадского гетманом, немецкое командование все же на всякий случай окружило войсками с пулеметами и пушками помещение съезда, на котором «избирался» Скоропадский.

Эти пушки и пулеметы были предназначены для устрашения тех «избирателей», которые могли бы запротестовать против немецкой кандидатуры в украинские гетманы и против возможной попытки киевского пролетариата разогнать съезд украинских кулаков, помещиков и капиталистов, продавших страну германским империалистам. Так прикрываемый раньше «суверенитетом» Рады режим германского генерал-губернаторства был теперь разукрашен под «историческую форму гетманства».

Вопрос об избрании гетмана решался за несколько дней до этого в Берлине. 26 апреля Вильгельм II телеграфировал Эйхгорну, что он согласен на «избрание» Павла Скоропадского, крупного помещика

и генерала царской армии, гетманом вся Украины при условии, что он «даст обязательство неуклонно выполнять наши советы».

«Гетман в письменном заявлении торжественно признал предъявленные главным командованием требования»,—писал в своем приказе Эйхгорн. «За спиной нового правительства стоит в первую очередь единственная авторитетная в настоящее время в стране власть—германское верховное командование,—доносил в Берлин Мумм.—Новое правительство будет делать то, что мы считаем необходимым». Для того чтобы украинская вывеска была более яркой, германское командование составило при гетмане Скоропадском так называемое «украинское правительство», председателем которого был назначен немец-октябрист Ф. А. Лизогуб. Подбором нужных министров немцы занялись также сами.

Расстрелами и виселицами завоеватели пытались задушить свободу и независимость украинского народа, с корнем выкорчевать идею борьбы за Советы. По всей Украине начинают свирепствовать германские военно-полевые суды.

Еще накануне избрания гетмана, 25 апреля 1918 г., Эйхгорн издает приказ о введении военно-полевых судов. По этому приказу «все проступки против общественного порядка, все уголовные преступления, как и все преступные деяния против германских и союзных войск, так и всех лиц, принадлежащих к ним, подлежат исключительно особому германскому полевому суду». Всякая агитация, как устная, так и печатная, а также скопление на улицах запрещались под угрозой предания военно-полевому суду.

В день провозглашения Скоропадского гетманом Украины, 29 апреля 1918 г., Эйхгорн публикует объявление о введении на Украине германского закона 1899 г. о военно-полевых судах.

В каждом случае предание германскому военно-полевому «суду» означало смертную казнь. Так в Николаеве военно-полевой суд приговорил к смертной казни семью рабочего Апарина за хранение оружия и патронов. 21 июня 1918 г. в селе Звонецком, Екатеринославской губернии, были преданы военно-полевому суду 37 крестьян за то, что в этом селе «население оказалось подозрительным». В селе Троянке, Подольской губернии, на сельском сходе австрийцы застрелили крестьянина Фому Галушко за то, что он улыбался. Австриец, застреливший Галушко, заявил, что «перестреляет весь сход, если будут улыбаться».

Австро-германские насильники повсеместно устраивали допросы с расстрелами и поркой, для того чтобы выловить всех красногвардейцев. Уничтожить, задушить все, что напоминает о Советах и Красной гвардии,—таков был девиз австро-германских военно-полевых судов. 6 июля 1918 г. в селе Софиевке, Верхне-Днепровского уезда, крестьяне Илья Семиряга, Тимофей Сайко, Сергей Москаленко, Алексей Колбаса и Андрей Шокотько были расстреляны австрийцами «как участники Красной гвардии». Из громадного числа расстрелов ни в чем не повинных людей мы приводим здесь лишь некоторые случаи.

Не останавливаясь на случаях массовых судебных процессов, заканчивавшихся тюремным заключением и каторжными работами, следует указать на применение немцами метода массовой ссылки арестованных на каторжные работы и в концлагери в Германию. Так, крестьяне хутора Викторовки, Лосиновской волости, Нежинского уезда, Черниговской губернии, Иван Макуха, Григорий Ляшенко и Константин Коцалап за действия против германцев в августе 1918 г. были, «согласно распоряжению германских властей, высланы в Германию».

Целыми эшелонами рабочие и крестьяне Украины отправлялись на каторжные работы в кайзеровскую Германию.

Размеры все разрастающейся народной войны против оккупантов требовали все большего увеличения оккупационных войск. Положение же на западном фронте не позволяло оккупантам перебросить на Украину ни одного солдата. Наоборот, перед германским командованием вплотную встал вопрос о переброске нескольких дивизий с Украины на западный фронт. Нехватало и гайдамацких частей, помогавших немцам душить украинский народ и поддерживать колониальный режим на Украине.

Военное министерство Скоропадского спешно формировало кулацко-помещичьи дивизии в помощь оккупантам.

Наряду с регулярными кулацкими дивизиями в уездах и волостях создавались «добровольческие отряды» из тех же кулаков и помещиков.

Вооружались эти отряды исключительно командованием германских войск. На содержание кулацких добровольных дружин гетман Скоропадский ассигновал пять миллионов рублей.

Особое внимание германское командование и правительство Вильгельма оказывали вооружению и созданию опорных пунктов среди населения многочисленных немецких колоний в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях.

Для организации колонистов в целях использования их как вооруженной силы против украинского народа, поднявшего освободительную отечественную войну против интервентов, на Украину приехал бывший министр колоний фон Линдеквист, который вместе с известным одесским католическим пастором Винклером развернул здесь активную деятельность среди немецких колонистов.

Весной 1918 г. Линдеквист организовал в Одессе и Симферополе съезды немецких колонистов. Делегатами съездов, как правило, являлись представители промышленников, помещиков и кулаков немецкого населения Украины.

Характерным для происходившего 7 мая 1918 г. в Симферополе съезда является то, что председатель пастор Винклер в самом начале заявил, что «все, в чьих жилах не течет немецкая кровь, должны немедленно покинуть съезд».

В своей речи на симферопольском съезде Линдеквист прежде всего «выразил сожаление, что у колонистов не было тесной культурной связи с Германией».

Появление германских войск в Крыму Линдеквист объяснил «же-

ланием германского командования освободить колонистов от насилий, чинившихся над ними большевиками...»

Свою работу съезд закончил принятием резолюции, существо которой сводилось к тому, что съезд просит принять южнорусских колонистов под покровительство и протекторат Германии... Далее съезд зафиксировал желание всех его участников «поддержать всеми силами германское отечество». Ниже мы увидим, как беднота из немецких колоний «поддерживала» свое германское «отечество», как, вооружившись чем попало, эта беднота вместе с рабочими и крестьянами Украины выступала против своих зарвавшихся «соотечественников».

В то же время помещики и кулаки из числа немецких колонистов получали оружие и выступали на защиту интересов своего класса и германского «отечества». В рапорте начальника варты Одесского уезда указывалось, что командованием оккупационных войск «особенно много выдается разрешений на право хранения нарезного оружия (винтовок особенно) немцам-колонистам». Там же указывалось, что в селе Рорбахе австрийским комендантом выданы «с целью организации обороны» 51 винтовка, в селе Ворме—34, в селе Зульце—28, в селе Карлсруэ—300; в селе Катеринентале—100. В другом случае указывалось, что «германским командованием роздано жителям села Страсбурга и оставлено на хранение при волостной (немецкой.—С. М.) управе всего 211 винтовок, 77 охотничьих ружей, 6 револьверов и 3 000 винтовочных патронов...» и т. д. и т. п.

Районы, густо населенные немецкими колонистами, разбивались на участки, в которые германское командование посылало множество инструкторов для обучения колонистов военному искусству. Так, на одном из участков Одесского уезда было 120 немецких инструкторов. «Для обучения на участке имелось два германских отряда, которые состояли каждый из одного офицера, двух фельдфебелей, около семи унтер-офицеров и 50 рядовых». Что это была система вооружения немецких колонистов, а не отдельные частные случаи выдачи оружия, свидетельствует то, что один из офицеров, производящих обучение колонистов, заявил, что вооружение и обучение немецких колонистов боевым действиям производятся «вследствие германского государственного о том распоряжения».

Вооружая своих соотечественников, немцы готовились всерьез и надолго обосноваться на Украине.

Однако, как мы уже указывали выше, не все немецкие колонисты охотно поступали на службу к своим «цивилизованным» братьям. Многие не только отказывались выступать против украинского народа, борющегося за свое освобождение от иноземного нашествия, но не желали даже поступить в ученье к германским инструкторам. Как доносили в Одесскую варту, «нежелающих добровольно подчиняться требованию германских инструкторов посылаемые солдаты приводят к месту учения и насильно заставляют подчиняться требованию инструкторов». В других случаях дело доходило до вооруженного выступления бедноты немецких колоний против интервентов.

Беднейшее крестьянство колоний гораздо быстрее усваивало лозунги большевистской партии, чем призывы к «национальному единству» из Берлина. В ежедневной политической сводке командования восточной австро-венгерской армии за 14 июня 1918 г. указывается, что посылались вооруженные силы «для восстановления порядка во взволнованных большевиками немецких колониях около Пологи и Гуляй-Поля», Екатеринославской губернии.

С приходом оккупантов на Украину возвратились старые хозяева—капиталисты и помещики. Вместе со старыми хозяевами возвращались и старые порядки. Снова устанавливался 12-часовой рабочий день. На забастовки рабочих «украинское» правительство 19 июля 1918 г. ответило постановлением «о восстановлении» на Украине силы закона Российского государства от 2 декабря 1905 г. о наказании за участие в забастовках.

Расстрелами, каторгой и угрозой ссылки в германские концлагери устанавливалось крепостное право для рабочих Украины.

Рабочие, не угодные администрации и немецким «хозяевам», без разговоров увольнялись с работы, выбрасывались из квартир, обречались на голодную смерть. На все крупные промышленные объекты вводились австро-германские воинские части.

Завод, рудник становился второй тюрьмой для рабочих. Все это дополнялось системой жесточайшего террора, установленного оккупантами. За малейшее выражение недовольства «существующим порядком» виновных хватали, отдавали под суд, который обыкновенно заканчивался расстрелом, каторгой или высылкой в концлагери Германии. Придумывались самые утонченные способы издевательства. Так, в городе Баре, Подольской губернии, 3 октября 1918 г. интервенты стали сгонять на территорию сахарного завода все мужское население, которое «били палками, нагайками, заставляли делать гимнастические упражнения... сидеть на корточках с вытянутыми руками, выгоняли на двор в юдном белье для подметания улиц и т. д.»

Жесточайший колониальный режим, по расчетам австро-германцев, должен был дать им возможность проводить соответствующую экономическую «политику».

Последняя заключалась в том, что грабители забирали все, что только видели, начиная от оборудования фабрик и заводов, шахт и рудников и кончая медной ручкой от двери крестьянской избы.

«Аграрная Украина», по мнению германских империалистов, должна была быть «прекрасным дополнением к развитой промышленности центральных держав».

Все завоеванные области как на востоке Европы, так и в других частях света германский империализм мыслил как аграрные придатки к промышленной метрополии, каковой должна была стать, в его представлении, Германия.

Производительные силы этих областей должны были быть разрушены.

Именно этот курс взяли захватчики, как только им удалось ввести свои войска на Украину.

Уже за три месяца (март—май) хозяйничанья оккупантов на Украине вся ее промышленность была почти полностью разрушена.

Такие крупнейшие заводы, как завод Новороссийского общества, общества Русских трубопрокатных заводов, б. Шодуар, Макеевский завод, заводы Гартмановский, Брянский, Русско-Бельгийский, Донецко-Юрьевский, Днепровский, Таганрогский, Дружковский, Русский «Провиданс», Краматорский, Николаевский судостроительный и др., полностью прекратили работу; часть из них была разрушена, а более ценное оборудование вывезено в Германию.

Все то, что нельзя было вывезти, приводилось в негодность и уничтожалось. Так, на рудниках Гуковского и Должанского районов Донбасса большинство шахт было затоплено, паровые котлы приведены в негодность, имущество рудников почти все разграблено.

Предприятия, которые по стратегическим соображениям должны были продолжать работу, всецело находились в руках германского военного командования. На них был установлен жесткий военный контроль.

Промышленная Украина для немцев должна была существовать постольку, поскольку, по их расчетам, она должна была быть плацдармом для дальнейшего наступления на восток—через Баку и Персию на Месопотамию, Аравию и далее на Индию.

Указом Скоропадского от 29 апреля было подтверждено, что собственность является «основой культуры и цивилизации». Губернские и уездные старосты в свою очередь издали приказы о полном восстановлении помещичьих прав. Типичным является приказ екатеринославского уездного старосты от 1 мая 1918 г., выдержки из которого мы приводим: «Волостным земским управам широко оповестить население, что все имущество частных владельцев, в чем бы оно ни заключалось (хлеб, лошади, скот, свиньи, птицы, сено, солома, земледельческие орудия, брички, сбруя, хозяйственные вещи и т. п.), где бы оно ни находилось, самовольно захваченное или взятое земельными комитетами в свое ведение и переданное населению, должно быть в целости и полностью возвращено их прежним владельцам; за порчу, продажу или сокрытие означенного имущества, а также за порчу посевов виновные будут немедленно заключаться под стражу, передаваться военным властям украинским или австро-германским и преследоваться по всем строгостям военного времени... Немедленно воспретить обществам производить выпас скота на землях частных владельцев... Стрижки овец без разрешения владельцев ни под каким видом не производить, а шерсть остриженных уже овец немедленно передать их владельцам».

На случай сопротивления крестьян возвращению помещиков уездные старосты совместно с германскими комендантами отдали приказ: «Всех чинящих препятствия по водворению собственников буду карать всеми находящимися в моем распоряжении средствами включительно до отдачи полевому суду».

Водворяя на прежние места кулаков и помещиков, немцы рассчитывали превратить их хозяйства в свои опорные пункты на Украине.

Несмотря на угрозы австро-германцев и «украинских» властей, крестьяне упорно отказывались возвращать помещикам взятое имущество.

Екатеринославский губернский староста доносил 29 июня 1918 г. в департамент державной варты: «В Александровском уезде, по донесению уездного старосты, необходимо постоянное присутствие войск, так как настроение крестьян неспокойное, имущество не возвращается, существующая власть не признается, производятся потравы посевов, порубка частновладельческих лесов и поджоги строений».

В другом случае помещик жалуется изюмскому уездному старосте на то, что, «несмотря на приказы гетмана и германских властей о возврате инвентаря и выдаче оружия, инвентарь крестьяне сдают не полностью, без частей, колес и т. д., некоторые вообще не сдают, при этом высказывают уверенность, что сдают на время, а вскорости опять заберут».

Изо дня в день растущие выступления крестьян заставили новых «хозяев» всерьез задуматься над «разрешением» земельного вопроса. Германский генеральный консул в Одессе Онесзейт телеграфировал 20 мая в Берлин: «Выходом из положения является надел землей. Это должно быть сделано без промедления, в противном случае озлобленность усилится еще больше». Далее в телеграмме указывалось, что «отдельные двory должны получить не менее тридцати десятин».

Именно путем наделения землей «отдельных дворов» решено было дезорганизовать, расколоть крестьянское движение.

Ни бедняк, ни даже средний крестьянин не мог получить эту землю, так как надел земли должен был производиться за наличный расчет, с возмещением убытков помещикам. Это означало, что приобрести землю за «наличный расчет» могли только кулаки и зажиточные крестьяне.

Особые затруднения оккупанты имели в связи с вопросом «о праве на урожай 1918 г.». Для разрешения этого вопроса почти во всех волостях и уездах им пришлось создавать специальные комиссии, носившие название «комиссий о праве на урожай 1918 г.».

Затруднение состояло в том, что осенью 1917 г. большинство помещичьих земель, переданных под «заведывание» земельных комитетов, оказалось засеянным крестьянами.

Крестьяне, арендовавшие помещичьи земли по условиям арендных цен 1917 г., теперь, весной 1918 г., объявили эти условия кабальными и отказывались выплачивать арендную плату вообще.

Австро-германцы понимали, что получить хлеб нового урожая им будет значительно легче от крупных помещичьих хозяйств, чем от мелких крестьянских, так как в последнем случае он мог «распылиться» по потаенным крестьянским закромам и собрать его было бы невозможно. Поэтому приложены были все усилия к тому, чтобы хлеб, посеянный на помещичьих землях, не остался у крестьян,

27 мая 1918 г. издается «гетманский» указ «о праве на урожай 1918 г.». В этом указе говорилось, что «право на урожай озими, посеянной землевладельцами осенью 1917 г., принадлежит владельцам этих земель. Право на урожай озими на землях, сданных владельцами земель в аренду осенью 1917 г., принадлежит лицам, которые взяли эти земли в аренду, при условии выполнения условий аренды арендатором».

Было ясно, что предстоял труд, плоды которого должны быть пожаты только иностранными завоевателями и помещиками.

Поэтому, как правило, крестьяне, захватившие помещичьи земли, отказывались идти в эти комиссии.

В большинстве случаев крестьяне, и в особенности крестьянская беднота, отказывались вообще убирать урожай.

Ввиду этого германско-«украинское» правительство Скоропадского принимает закон от 8 июля 1918 г. о введении принудительного труда на помещичьих полях. По этому «закону» губернским земельным комиссиям приказывалось издать «обязательные постановления о принудительном использовании живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря тех владельцев, которые не вполне используют его в собственном хозяйстве... и о принудительном выполнении местным населением срочных сельскохозяйственных работ».

В развитие этого «закона» губернские и уездные старосты совместно с представителями австро-германского командования издали целые вороха приказов о принудительной уборке урожая 1918 г.

Командир 92-й германской пехотной дивизии, штаб которой находился в городе Яготине, в приказе от 12 июля писал, что «в случае отказа крестьян работать у владельцев или нежелания работать вообще по отношению к виновным будут приняты принудительные меры со стороны военных властей».

В другом случае изюмский уездный староста в приказе от 19 июля 1918 г. указывал, что «власть со своей стороны примет против не выходящих на работы решительные меры, вплоть до арестов и высылки их на немецкие принудительные работы». Для осуществления восстановленного крепостного права при штабах австро-венгерских войск были созданы так называемые «рабочие отдель», которые насильно выгоняли крестьян на проведение полевых уборочных работ.

В районах, занятых германскими войсками, эти функции выполнялись немецкими «агрономическими офицерами».

Эти офицеры вели систематическое наблюдение за ходом работ по уборке урожая. В их распоряжении находились специальные воинские части, которые выполняли роль надсмотрщиков за работой крестьян.

Однако крестьян, желающих надеть на себя немецкое ярмо, не оказывалось. Организованно, целыми селами они отказывались идти работать на помещичьи поля. А свои собственные посевы крестьяне убирали только постольку, поскольку был нужен хлеб для собственного пропитания.

Работать и давать хлеб для захватчиков крестьяне отказывались. Управляющий Тальновским именем княгини Долгорукой жаловался немецкому агрономическому офицеру Звенигородского уезда, Киевской губернии, что крестьяне сел Россоховатки и Новоселицы не хотят выходить на полевые работы. «Покорнейше просим принять меры к побуждению крестьян указанных сел выйти на работы и приступить к уборке хлебов, так как они уже созрели и начинают осыпаться». Меры были приняты, и те крестьяне, которые не успели еще разбежаться, были под охраной немецких солдат выгнаны на княжеские поля.

Убранный хлеб немедленно молотился и грузился для отправки в Германию и Австро-Венгрию.

Несмотря на обещание Центральной рады «поставить» Германии и Австро-Венгрии миллион тонн хлеба до 31 июля 1918 г., выполнение поставок было по существу сорвано. Украинские крестьяне отказывались давать хлеб интервентам. На 20 июня из Украины было всего вывезено только 6345 вагонов хлеба, что составляло не более 10% намеченного интервентами плана.

Но и эти 10% достались немцам и австрийцам не легко. Что хлеб получить на Украине можно будет только путем вооруженного ограбления, это немцы отлично поняли, как только их войска вступили на украинскую территорию и встретили здесь упорное вооруженное сопротивление всего народа. Уже 10 марта Бюлов телеграфировал в министерство иностранных дел, что «вопрос получения хлеба должен быть решен исключительно военной силой».

Вся «работа» по «заготовкам» хлеба была возложена на штабы австро-германских войсковых частей. Но так как грабеж все же назывался «заготовкой», то первое время грабители еще соблюдали некоторую видимость «порядка». За отобранный хлеб немецкие офицеры выдавали расписки, а в отдельных случаях и платили «украинскими» деньгами, которые немцы могли печатать сами в любом количестве.

Однако эти авантюры не давали нужных результатов,—крестьяне упорно отказывались «продавать» хлеб насильникам. Тогда пускалась в ход артиллерия, этот наиболее веский аргумент грабителей.

Больше всего оккупантам пришлось по вкусу производить грабеж украинской деревни под предлогом поисков скрытого оружия и агитаторов. Не найдя ни оружия, ни агитаторов (так как крестьяне умели их отлично скрывать), немцы накладывали на села и деревни баснословные контрибуции, которые крестьяне должны были покрывать натурой, под угрозой артиллерийского обстрела. В случае отказа уплатить контрибуцию или выдать оружие и агитаторов, села и деревни подвергались жесточайшему пулеметному и артиллерийскому обстрелу, после чего захватчики приступали к грабежу.

Грабежи деревни обыкновенно сопровождалось зверским издевательством над беззащитным населением. В телеграмме из Новозыбкова 15 марта 1918 г. сообщалось в Совнарком РСФСР, что при занятии местечка Васильевки «немецкие банды мало того, что грабили,

но еще надругались над седидами стариков, заставляя их везти на себе награбленное ими имущество».

При бандитском нападении на село Качановку, Литинского уезда, Подольской губернии, весной 1918 г. немцами было сожжено 400 дворов, причем во время пожара интервенты простреливали улицы пулеметным и оружейным огнем. Как указывалось в донесении уездного старосты в департамент державной варты, улицы села сплошь были покрыты трупами людей и животных.

Такими зверскими методами «цивилизованные» германские варвары насаждали «культуру» и «спокойствие» на Украине. Трупный смрад сопровождал полчища этих каннибалов.

ГЛАВА III

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

Война 1918 г. против немецких оккупантов была не только национально-освободительной войной против чужеземного ига, но и войной против внутренней контрреволюции, войной за Советы, за социализм.

Характером этой войны обуславливалась и расстановка сил, участвующих в борьбе на той и другой стороне.

На стороне германских интервентов стояли украинские и русские капиталисты и помещики. Поддерживали их мелкобуржуазные кулацкие националистические организации, отражавшие интересы крупных собственников. Против иноземных захватчиков, вновь принесших на Украину капиталистический гнет и колониальное рабство, выступил пролетариат и подавляющее большинство украинского крестьянства.

Начиная с июня 1918 г. кривая роста крестьянских восстаний резко пошла вверх. Это означало, что на Украине начался еще больший подъем народной отечественной войны против иностранных захватчиков, против системы колониального рабства, установленной немецкой военщиной, действующей в союзе с украинскими и русскими помещиками и капиталистами.

Ленин рассматривал Брестский договор, заключенный с Германией, как «передышку», как средство для дальнейшей подготовки вооруженной борьбы за диктатуру пролетариата. «Передышка» должна была быть растянута возможно дольше, с тем чтобы страна могла в продолжение ее использовать все возможности для накопления и организации своих сил. Поэтому политика взаимоотношений с германскими оккупантами должна была быть достаточно трезвой и продуманной. Всякий необдуманный шаг грозил срывом «передышки» и мог бросить страну в полосу новых, чрезвычайно опасных испытаний.

Враги советского народа пытались использовать все средства для того, чтобы спровоцировать нападение германцев на Советскую Россию.

10 мая 1918 г. один из сторонников Троцкого и Бухарина, предатель Г. Сокольников, выступил с заявлением, что передышка закончена и нужно теперь же начинать военные действия против германской оккупационной армии на Украине.

Разоблачая тех, кто пытался спровоцировать нападение германских империалистов на Советскую Россию, Ленин в «Тезисах о современном положении» писал: «При учете задач внешней политики советской власти в данный момент требуется величайшая осторожность, осмотрительность и выдержка, чтобы не обдуманым или поспешным шагом не помочь крайним элементам военных партий Японии или Германии»¹.

Однако сохранение Брестского договора вовсе не означало, что Советская Россия отказывалась от помощи братской Украине. Наоборот, сохранение мира было наперед рассчитано на накопление сил для вооруженной помощи борющемуся за свою независимость украинскому народу. В период мира партия и советское правительство оказывали Украине как моральную, так и материальную поддержку. Выразилось это прежде всего в том, что Ленин и Сталин приняли на себя прямое руководство деятельностью большевистских организаций Украины.

Большевистские организации Украины, обескровленные и ослабленные во время борьбы с германскими и гайдамацкими войсками в марте—апреле 1918 г., с установлением оккупационного режима были вынуждены уйти в подполье.

В условиях жесточайшего террора, действуя из подполья, большевики Украины под непосредственным руководством Ленина и Сталина приступили к организации революционных сил украинского народа для разгрома и изгнания германских войск и их белогвардейских и буржуазно-националистических наймитов.

Особая сложность этой задачи заключалась не только в том, что большевикам приходилось разрешать ее, действуя из подполья, но и в том, что всю работу пришлось вести в условиях нарастающих и расширяющихся массовых стихийных выступлений рабочих и крестьян Украины против германских оккупантов.

Разрозненные стихийные выступления таили в себе ту опасность, что они могли быть легко подавлены войсками оккупантов и на значительное время парализовать революционные силы Украины.

Поэтому задача партии большевиков заключалась именно в том, чтобы разрозненные стихийные выступления приняли форму организованной борьбы, чтобы вооруженные силы повстанцев, ведя повседневную планомерную борьбу с австро-германцами и теми силами, на которые они опирались на Украине, были сохранены от разгрома противником и подготовлены для нанесения окончательного удара уже ослабленному врагу одновременно на всей территории Украины.

Этот этап отечественной войны должен был быть использован партией главным образом для организации собственных сил и для дезорганизации и ослабления сил противника.

Противник должен был быть не только ослаблен материально и понести потери живой силой, но и дезорганизован морально.

¹ «Ленинский сборник» XI, стр. 82.

Повседневное враждебное окружение, систематические молниеносные нападения, с одной стороны, и широкая агитационная и пропагандистская работа в войсках оккупантов, направленная на разъяснение истинного характера оккупации—с другой, должны были неминуемо привести к разложению армии противника.

В процессе борьбы такого характера должны были окрепнуть и закалиться и сами повстанческие отряды. Широкие народные массы Украины должны были себе уяснить цель, значение и перспективы вооруженного восстания.

В процессе развития отечественной войны должно было быть усвоено, что эта борьба разрешает не только вопрос самостоятельного и независимого существования украинского народа, но одновременно является продолжением вооруженной борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства за Советы, начатой в ноябре 1917 г. Были созданы специальные организации для руководства вооруженной борьбой. Они получили название военно-революционных комитетов. В отдельных районах Украины они назывались «повстанческими комитетами».

В этот период, когда большевистские организации еще не успели окрепнуть после разгрома их германскими оккупантами, военно-революционные комитеты в сельских районах создавались по инициативе местных одиночек-большевиков, а чаще всего возникали стихийно, в процессе борьбы крестьянских масс с оккупантами и гайдамаками. Вокруг этих военно-революционных комитетов и формировались повстанческие отряды украинского крестьянства.

Однако на первых порах эти комитеты еще не играли значительной роли в борьбе украинского крестьянства с оккупантами.

В мае 1918 г. мы встречали еще только отдельные организованные повстанческие отряды, которые представляли собой более или менее организованное целое.

Стихийные выступления крестьян в этот период носили главным образом местный характер. Только в отдельных случаях движение охватывает несколько соседних сел. Борьба ведется преимущественно на территории своего села. Здесь крестьяне ведут борьбу с отдельными отрядами оккупационных войск, посылаемых в села и деревни для разоружения населения, производства всевозможных реквизиций и защиты помещичьих имений. Как правило, в этих случаях германские и австрийские власти посылали в деревни сравнительно небольшие отряды в 20—40 человек.

Командование оккупационной армии боялось расплыть свои войска и посылало крупные войсковые соединения в районы, далеко лежащие от железной дороги, только в особых случаях,—когда возникали серьезные «беспорядки».

Борясь с оккупантами, украинское крестьянство одновременно выступало и против тех сил внутренней контрреволюции, на которые они опирались, т. е. помещиков, кулаков и чиновников германогетманской администрации.

Уже в мае 1918 г. на имя киевского губернского старосты поступило большое количество телеграфных донесений о том, что в ряде уездов крестьянское движение «выливается в форму насилия над помещиками и управляющими экономиями, а также в открытые беспорядки». В Елисаветградском уезде Херсонской губернии крестьяне-повстанцы начали расправу с местными землевладельцами. На место беспорядков были высланы отряды австрийских войск. В Могилеве-Подольском были получены сведения о том, что в уезде повсеместно происходят демонстрации крестьян.

Повсюду в помещичьих имениях и лесах запылали пожары. В Дубенском уезде крестьяне сожгли лес помещиков Ружицких. Крестьяне Ровенского уезда Волынской губернии сожгли лес в имении губернского старосты Андро.

Во многих селах и деревнях Полтавской губернии были вынесены постановления: «Поубивать всех тех, кто ездил в Киев избирать гетмана». На этой почве в селах Денисово, Буромка, Крестителево и др. Лубенского и Золотовского уездов произошли бои повстанцев с немцами и гайдаками.

В Черниговской губернии крестьяне села Безуглавки, Нежинского уезда, Ефим Сутула, Иван Щербак и Иван Чернега были привлечены к суду за то, что «подстрекали своих односельчан к убийствам и учинению насилий над местными земельными собственниками-хлеборобами, ездившими в г. Киев на съезд для избрания гетмана Украинской державы».

В селах Дермани и Куйне, Дубенского уезда, Волынской губернии, крестьяне организовали вооруженный отряд и оказали сопротивление прибывшему немецко-гайдамацкому отряду.

Вооруженные отряды германских войск, посылаемые для ликвидации «беспорядков», как правило, уничтожались крестьянами.

В деревне Рождественское, Рождественской волости, Павлоградского уезда, Екатеринославской губернии, крестьяне вырезали германский отряд в 30 человек, который прибыл сюда для защиты помещичьих имений. В селах Большая и Малая Буромка, Золотоношского уезда, Полтавской губернии, крестьянами-повстанцами был взят в плен и обезоружен отряд, состоящий из 50 немцев и 20 гайдамаков. Аналогичные сообщения поступали в министерство внутренних дел и из других губерний Украины.

С особой силой крестьянские выступления начались после разгона немцами так называемого Киевского крестьянского съезда.

10 мая в Киеве по требованию низовых организаций крестьянских спилок должен был состояться всеукраинский крестьянский съезд. Созван он был в противовес известному съезду «хлеборобов», на котором генерал Скоропадский был «избран» гетманом Украины. Широкие крестьянские массы Украины пытались на этом съезде поставить вопрос о земле.

Не желая допускать съезда, германское военное командование отдало распоряжение задерживать поезда и пароходы, на которых делегаты съезда должны были прибыть в Киев. Несмотря на все

препятствия, большинству крестьянских делегатов удалось добраться до Киева. Многие из них пришли пешком.

В Киеве германские власти вооруженной силой стали препятствовать попыткам депутатов собраться где-либо в одном месте. Собрание на Софийской площади было разогнано немецкими войсками.

Несмотря на первую неудачу, крестьянские депутаты в количестве до 4 тысяч человек в тот же день вновь собрались на Бибикивском бульваре. Немцы пустили в ход броневики и опять разогнали съезд. Тогда делегаты направились в Голосеевский лес, в предместье Киева, где и успели вынести постановление:

«Гетмана не признавать и земли помещикам не отдавать».

«Мы теперь знаем, что делать,—говорили крестьянские делегаты.— Если земли будут отбирать, то все будем жечь. Железные дороги будем взрывать, посевы уничтожать, немцев резать. Если нельзя будет застрелить, будем их веревочкой душить».

Вооруженный разгон этого съезда лишний раз показал всему украинскому крестьянству, что в условиях германской военной диктатуры, опирающейся на украинских помещиков и капиталистов, разрешение земельного вопроса может быть проведено только в интересах помещиков, кулаков и самого германского империализма.

Полтавский губернский староста Иваненко телеграфировал 16 мая в министерство внутренних дел, что прибывшие из Екатеринослава 10 большевиков в районе Пальмира Золотоношского уезда сформировали партизанский отряд из 700 вооруженных крестьян.

Газета «Киевская мысль» сообщала, что по многим селам Киевской губернии «разбрелись большевики, ведущие среди крестьян агитацию».

В Кролевецком уезде Черниговской губернии «во многих селах сохранились большевистские комитеты и штабы»,—доносила меньшевистская «Рабочая жизнь».

Это означало, что даже те слои среднего украинского крестьянства, которые до сих пор находились под влиянием буржуазных националистов и эсеро-меньшевиков из бывшей Центральной рады, теперь окончательно пришли к выводу, что землю они могут получить только в том случае, если вместе с пролетариатом и беднейшим крестьянством изгонят из своей страны оккупантов, а вместе с ними помещиков и капиталистов.

Все дальнейшие крестьянские выступления проходят под лозунгами большевистской партии. Выступления эти возглавлялись главным образом украинскими большевиками. Городские подпольные партийные большевистские организации Киева, Харькова, Екатеринослава, Одессы, Николаева, Луганска и других промышленных районов Украины посылали в деревню свои лучшие силы для организации партизанских отрядов.

Со второй половины мая в отечественную войну против германских интервентов втягивается почти все украинское крестьянство. Борьба с германскими варварами становится всенародной.

30 и 31 мая повстанческие отряды Гуляй-польской волости Ека-

теринославской губернии вели упорные бои с частями австро-венгерских войск. За эти два дня эскадрон 8-го гусарского венгерского полка потерял только убитыми 95 человек.

В селе Мохаловке Киевского уезда против германцев успешно действовал вооруженный отряд, состоящий главным образом из молодежи этого села.

Крестьяне села Окны, Ананьевского уезда, Херсонской губернии, вступили в бой с австрийским отрядом, пытавшимся произвести разоружение села. Австрийцы окружили село и открыли по нему артиллерийский огонь. Повстанцам удалось прорвать окружение противника и укрепиться на соседнем хуторе Флора. Только после того как австрийцы подтянули к месту боя значительные резервы и пустили в ход артиллерию, им удалось заставить отступить повстанцев и произвести разоружение села.

Во Владимирской и Панчевской волостях Елисаветградского уезда той же губернии «между крестьянами, вооруженными не только ружьями, но даже пулеметами, и австрийскими отрядами происходили настоящие сражения, результатом которых явились десятки раненых с обеих сторон».

Восстания в Херсонской губернии в конце мая и начале июня приняли настолько серьезный характер, что австрийское командование посылало в районы боевых действий только крупные войсковые соединения до полков и дивизий включительно.

«Децентрализация военных сил признается не вполне благоразумной,—писала по этому поводу буржуазная «Киевская мысль»,— в особенности, если учесть настроение отдельных пунктов. Отдается предпочтение системе концентрации сил в некоторых наиболее центральных пунктах, откуда в случае надобности отряды могли бы двинуться в опасные места».

Описывая далее восстания в Херсонской губернии, та же газета подтверждает, что в Ананьевском и Елисаветградском уездах происходят «настоящие бои с участием артиллерии и пулеметов», которые «пока почти не прекращаются».

Когда в эти уезды австрийцы подтянули несколько полков пехоты и артиллерию¹, то крестьяне-повстанцы использовали обычный для партизанской войны прием: они рассеялись по окрестностям и небольшими отрядами стали производить короткие, молниеносные налеты на авангардные, фланговые и арьергардные отряды оккупантов. В результате оккупанты понесли значительные потери, повстанцам же удалось почти в неприкосновенности сохранить весь основной состав своих отрядов.

Не менее ожесточенные бои с оккупантами происходили и в Полтавской губернии.

Особенно сильное сопротивление немцы встретили в селе Дени-

¹ В районе Новомиргорода Елисаветградского уезда боевые действия в эти дни вел 2-тысячный карательный австрийский отряд («Наш юг» № 84 за 1918 г.).

совке Лубенского уезда, где, по словам уездного старосты, крестьяне под руководством «матроса-большевика» Петра Кожушного и бывшего георгиевского кавалера крестьянина деревни Золотухи Ивана Еременко подняли восстание против немцев и местных помещиков.

Когда 13 мая карательный отряд приблизился к Денисовке, то здесь он встретил организованное сопротивление. Крестьяне стреляли из окопов, которые были вырыты вокруг села, и из окон и дверей своих изб. Несмотря на артиллерийский обстрел, денисовцы упорно сопротивлялись. К вечеру немцы были вынуждены отступить.

Утром 14 мая немцы повели снова наступление на Денисовку. На этот раз артиллерия решила исход неравного боя. Повстанцы отступили. Шестнадцать человек из них, в том числе матрос Кожушный и Еременко, были взяты в плен.

Военно-полевые суды оккупантов иных приговоров, как смертная казнь, не выносили. Оба руководителя восстания были в тот же день расстреляны.

В соседних селах Чевельчи, Сазоновке и Черевках карательный отряд также встретил серьезное сопротивление. Но, как и в первом случае, исход боя решила артиллерия.

В июне 1918 г. борьба украинского народа против германских оккупантов приняла еще более широкие размеры. Жестокие репрессивные меры германского командования приносили результаты, обратные тем, которых пытались добиться интервенты. В активную борьбу с врагом втягивалось буквально все население сел и деревень. Отдельные крестьянские повстанческие отряды, насчитывавшие до того времени десятки человек, теперь уже исчислялись в сотни, а в отдельных случаях и в тысячи человек.

От обороны повстанцы переходили к активным методам борьбы,—к наступлению.

Боевые операции в отдельных районах приковывали к себе целые полки и дивизии оккупационных войск.

Войска оккупантов в свою очередь часто оказывались в положении обороняющейся стороны.

25 июня граф Форгач, австро-венгерский посол в Киеве, телеграфировал в Вену, что «германские, а также имперские и королевские войска¹ вынуждены непрерывно вести обременительные бои, иногда связанные со значительными потерями».

С особой силой крестьянские восстания в июне—июле 1918 г. развернулись на территории Киевской, Полтавской, Черниговской и северной части Херсонской губерний.

Наибольшую остроту приняло восстание в Звенигородском и Таращанском уездах Киевской губернии.

Характерной чертой для этого восстания, как и всех восстаний на Украине в этот период освободительной войны, являлось то, что оно началось стихийно. И, пожалуй, нигде на Украине эта стихия

¹ Австро-венгерские войска.

в начале восстания не принимала таких широких размеров и остроты, как в Звенигородском и Таращанском уездах. Начавшись в этих уездах, восстание в течение нескольких дней охватило почти всю Киевскую губернию.

На территории Звенигородского, Таращанского, Сквирского, Каневского, Чигиринского, Киевского, Уманского и Васильковского уездов в течение всего июня шли непрерывные бои повстанцев с германскими и гайдамацкими войсками; в Звенигородском и Таращанском уездах восстание продолжалось и весь июль, а в Сквирском оно было подавлено только в августе 1918 г.

Звенигородский и Таращанский уезды превратились в центр восстания не только всей Киевщины,—в нем, как мы увидим ниже, приняли участие и повстанцы из других губерний. В значительной мере на характере, темпе нарастания, широте охвата и остроте крестьянских восстаний в Киевской губернии сказалась непосредственная близость района восстания к немецкой и гетманской штабквартире в Киеве. Немецкое командование усиленно беспокоилось прежде всего за «порядок» внутри и возле административного центра своей новой провинции, поэтому военный режим с особой строгостью соблюдался им в самом Киеве и губернии.

Гетманский переворот в Киеве, указ о восстановлении помещичьего землевладения, разгон Киевского крестьянского съезда, закон «о праве на урожай 1918 г.», приказы о введении военно-полевых судов и, наконец, многочисленные германские и гайдамацкие карательные экспедиции, сопровождаемые расстрелами и грабежом,—все это прежде всего и с особой силой почувствовало на себе крестьянство Киевской губернии.

Повстанческая борьба крестьян Киевской губернии началась вслед за тем, как войска оккупантов заняли Киев и начали устанавливать здесь свою контрреволюционную военную диктатуру.

Уже 6 апреля 1918 г. начальник милиции 3-го участка Киевского уезда доносил начальнику Киевской уездной милиции, что в границах его района действует отряд крестьян-повстанцев, в распоряжении которого есть артиллерия, пулеметы и даже бронеавтомобиль. Несколько дней раньше тот же начальник 3-го участка телеграфировал в Киев: «Необходимо срочно обезоружить все население при содействии военных частей, ибо добровольно возвращают оружие только лица благонадежные». Одно то, что крестьяне вооружались артиллерией, пулеметами и даже раздобыли бронеавтомобиль, свидетельствует о том, что они готовились к серьезной борьбе с захватчиками.

Однако в апреле 1918 г. на Киевщине таких хорошо организованных и вооруженных отрядов мы можем насчитать еще незначительное количество. Оружие у крестьян пока еще лежит закопанным глубоко в землю. Вынимают его только в том случае, когда в селах появляются карательные отряды немцев и гайдамаков. Борьба идет, главным образом, по линии захвата помещичьих имений, земель и лесов, поджога, потрав и т. п., хотя при случае крестьяне не отказывали себе и в том, чтобы хорошенько разделаться с «карателями».

Повсеместные восстания на Киевщине начинаются только в конце мая и первых числах июня 1918 г., т. е. тогда, когда крестьяне на опыте убедились, что принесли для них германские оккупанты.

Звенигородское восстание началось с вооруженного выступления крестьян села Лисянки 3 июня 1918 г. Внешний ход восстания в Звенигородском, а затем и соседнем с ним Таращанском уезде представляется в следующем виде:

3 июня крестьяне Лисянки, узнав о приближении к селу карательного отряда в составе одной немецкой роты и офицерской сотни гетманцев, посланных сюда для разоружения и «наведения порядка», постановили на сходе не пускать немцев в село и оказать им вооруженное сопротивление.

В течение трех дней лисянцы успешно отражали все атаки немцев и офицерской сотни. За эти три дня к восставшим присоединились крестьяне соседних сел: Тарасовки, Водянки, Стецовки, Кирилловки, Гусакова и Казацкого. Повстанцы начали со всех сторон окружать карательный отряд. Из наступательного положения немцы и офицерская сотня должны были перейти к обороне, а затем и удирать во все лопатки. Как доносил звенигородский уездный комендант киевскому губернскому старосте, немецко-гетманскому отряду 7 июня с трудом удалось вырваться из окружения повстанцев.

По всему пути бегства от Лисянки до Звенигородки¹ немцам пришлось обороняться от нападения вооруженных крестьян окрестных деревень. Уже возле самой Звенигородки немцы были встречены вооруженным населением рабочего предместья Пески. С помощью присоединившихся к ним крестьян села Озерного повстанцы пересбили большую часть немцев и офицеров из гетманской сотни. Уцелевшим с трудом удалось прорваться в Звенигородку, которую занимал немецкий гарнизон.

К этому времени уже весь Звенигородский уезд был охвачен восстанием. Для того чтобы предупредить возможность подвоза германских войск в Звенигородский уезд, крестьяне деревень, прилегающих к станции Россоховатка, на железнодорожном участке Умань—Цветково, захватили в свои руки эту станцию и испортили железнодорожный путь. Начальник станции Россоховатка 6 июля телеграфировал в Уманское железнодорожное отделение, что «крестьяне пяти местных сел, вооруженные винтовками, пулеметами, ручными гранатами, бомбами и др., подняли восстание под влиянием большевиков и других агитаторов против существующего правительства и против германских войск... захватили станцию Россоховатка, разобрали пути, поставили патрули и запретили станционным служащим сношение с другими станциями».

Направляющийся походным порядком из местечка Тальное на Звенигородку отряд немецких гусар был разбит повстанцами в районе Ольховцы—Гусаково. Два орудия с 60 снарядами попали в руки повстанцев.

¹ Село Лисянка расположено в 20 километрах к северу от Звенигородки.

Уничтожив подкрепление, направлявшееся на помощь немецкому гарнизону в Звенигородке, и предупредив путем занятия станции Россоховатка и порчи железнодорожного пути возможность быстрой переброски германских войск в Звенигородский уезд, партизаны 8 июня приступили к осаде города.

Немецкий гарнизон Звенигородки, состоявший из одного батальона пехоты и эскадрона гусар, не выдержал натиска партизан и присоединившегося к ним городского населения. Офицеры, предвидя неминуемый разгром и опасаясь революционного взрыва среди своих собственных солдат, решили пойти на хитрость—предложили партизанам перемирие на два дня. За это время, по их расчетам, они должны были получить подкрепление. Однако, как видно из того же донесения звенигородского уездного коменданта, «хитрое самоутешение немецких офицеров не оправдалось, так как, наподобие наших товарищей солдат, немецкие солдаты устроили совещание и вынесли постановление сдать оружие».

Факт разложения немецких войск подтверждается и начальником особого отдела штаба гетмана, который по этому поводу писал, что немецкие солдаты на особом своем митинге 9 июня постановили: «Спротивление восставшим не оказывать и имеющееся оружие предоставить последним, что и было исполнено». По окончании митинга солдаты объявили офицерам о своем решении, сопротивление восставшим было предложено офицерам оказывать «самостоятельно, если они это пожелают». Офицеры подчинились решению и только выговорили себе неприкосновенность.

В тот же день повстанцы арестовали представителей германской власти и карательный офицерский отряд. Из них наиболее отличившиеся в зверствах были разсланы на суд крестьян по волостям восставшего уезда. Во всех случаях были вынесены смертные приговоры. Немецкие ставленники—уездный староста Машар и его помощник Салтык по приговору штаба повстанцев также были расстреляны.

Город всецело находился в руках повстанцев вплоть до 13 июня. Для осуществления порядка в городе штабом повстанцев был назначен комендант. По всему уезду была объявлена поголовная мобилизация всего мужского населения. Дальнейшая законодательная деятельность повстанческого штаба была прервана боевыми действиями наступающих на город немецких войск. Немецкое командование стало подтягивать к Звенигородке свои карательные отряды, действовавшие как в самом Звенигородском уезде, так и в других соседних уездах. Партизаны Звенигородского уезда оказывали самое ярое сопротивление по всему пути движения этих отрядов к Звенигородке. По всему уезду шли ожесточенные бои с оккупантами. «Бои немцев в Звенигородском районе к юго-западу от Киева,—телеграфировал 11 июня в Вену граф Форгац,—носят серьезный характер и связаны с потерями».

За первые десять дней борьбы непосредственно в боевых действиях против германских и гайдамацких войск приняли участие

партизанские отряды, насчитывающие в общей сложности более 15 тысяч человек.

6 июня германское командование направило в Звенигородский уезд крупные воинские части с тяжелыми орудиями. Под напором значительно превосходящих сил противника партизаны были вынуждены оставить Звенигородку. Вечером 13 июня ею вновь завладели немцы. Отряды во главе со своим повстанческим штабом отошли в район села Лисянки.

Восстание в Таращанском уезде началось почти одновременно с Звенигородским. «Происходившие в последние дни беспорядки в соседнем Звенигородском уезде отразились несомненно и в Таращанском уезде»,— доносил таращанский уездный староста киевскому, губернскому старосте. Основное ядро повстанческих отрядов, как узнаем из того же донесения таращанского старосты, здесь составилось «из вернувшихся с фронта солдат».

Повод к восстанию крестьян в деревнях Янышевке и Стрижевке, положившему начало общему восстанию во всем Таращанском уезде, был тот же, что и в селе Лисянке Звенигородского уезда. На помощь восставшим в Янышевке и Стрижевке поднялись крестьяне соседних сел—Ставище, Луки, Ольшаница, Пятигоры, Исашково, Плоское, Острая Могила и др. 8 июня повстанческие отряды стали концентрироваться в селе Стрижевке. 10 июня партизаны разбили и обратили в бегство гайдамацкий отряд атамана Горемыки. 11 июня сводный германо-гетманский отряд под командой германского коменданта Ляудена занял Ставище.

В тот же день произошел бой между германо-гайдамацким отрядом и повстанцами села Янышевки. На этот раз исход боя решило артиллерийское превосходство германцев. Артиллерийскими снарядами почти вся Янышевка была сожжена. Однако, когда к янышевцам подошла помощь из соседних сел, германцы позорно бежали в Таращу, не приняв боя.

12 июня утром партизанские отряды повели наступление на Таращу. К ним присоединилось и таращанское городское население. Как указывает в своем донесении таращанский староста, «на улицах началась стрельба, причем стреляли из засад в кустах садов, из-за заборов, подворотен и даже домов, оставаться в городе не было возможности...», и «храброе» войско германское бежало по направлению к Белой Церкви, не успев даже захватить с собой оружие и кассу из местного казначейства.

После бегства немцев в Тараще была установлена власть повстанческого Революционного комитета. Первые десять дней борьбы в Таращанском уезде, так же как и в Звенигородском, имели те же результаты—крупные германские воинские части с тяжелой артиллерией, переброшенные сюда из Белой Церкви, заставили повстанцев на шестой день оставить уездный город.

Дальнейшая партизанская борьба на территории Звенигородского и Таращанского уездов сливается в один общий поток. Повстанцы этих двух уездов общими усилиями ведут борьбу против крупных

германских отрядов, часто переходят на территорию то одного, то другого уезда.

Однако в тактике партизанской борьбы в конце июня и начале июля происходит значительное изменение. Большими соединениями в 10—15 тысяч человек боевые действия уже не ведутся. Партизаны отчетливо начинают сознавать, что их крупные отряды могут быть окружены и легко уничтожены крупными германскими войсковыми соединениями. Борьба ведется преимущественно отрядами в тысячу, полторы, две тысячи человек, а иногда и меньше. Последняя попытка партизанских отрядов действовать крупными соединениями относится к двадцатым числам июня, когда повстанцы вторично намеревались захватить Звенигородку и Таращу. Из сводки министерства внутренних дел за 15—22 июня видно, что вечером 20 июня в Лисянке, где помещался штаб, сконцентрировалось около 10 тысяч повстанцев из Звенигородского, Таращанского и Каневского уездов, которые «угрожали наступлением на Звенигородку».

Консолидация сил повстанцев к этому времени уже далеко переросла рамки одного района, уезда или смежных уездов одной губернии. Пример звенигородско-таращанского восстания говорил о том, что оно уже далеко вышло за эти рамки. В самый разгар восстания в Звенигородском и Таращанском уездах прибывала помощь не только из соседних Каневского, Сквирского, Васильковского и других уездов Киевской губернии, но и из других губерний. Так, в двадцатых числах июня на территорию Звенигородского уезда из Херсонской губернии перешел крупный отряд повстанцев. До этого 11 июня, как указывалось в одном из докладов командующему австро-венгерской восточной армии, из той же Херсонской губернии в районе Фидвара и Красноселки к границе Киевской губернии направился крупный отряд повстанцев численностью около 1500 человек, с оружием, повозками и скотом. 21 июня в село Водянку прибыл разъезд в количестве 30 человек с надписями на кокардах: «Большевик, разведка сил». Этот последний штрих красноречиво говорит о том, что консолидация повстанческих сил на Украине шла в большевистском направлении.

29 июня из Черниговской губернии на территорию Киевского уезда, в районе села Веремье Чернеховской волости, перешел отряд партизан-большевиков численностью 622 человека, которые были вооружены винтовками и четырьмя пулеметами. Этот отряд повстанцев, как указывается в сводке министерства внутренних дел, имел «намерение вступить в бой с германским войском, чтобы его изгнать».

Таким образом, повстанцы, сгруппировавшись, вновь повели наступление на Звенигородку.

На 25 июня, как доносил киевский губернский староста товарищу министра внутренних дел Вороновичу, положение в Звенигородском уезде было следующее: «Повстанцами оказались заняты села Ольшевец, Озерна, Поповка, Рижановка, Водянка, Смелычинцы. Из Лисянки направилась помощь повстанцев с 5 орудиями. Из Мокрой

Колигорки двигались повстанцы, среди которых было много прибывших из Херсонской губернии. У Лисянки и Гамаловки заготовлены были повстанцами окопы. Жизнь в городе замерла».

В течение четырех дней—с 25 по 29 июня—в районе Звенигородки партизаны вели упорные бои с немцами. Любопытно отметить, что война в эти дни приняла, главным образом, позиционный характер. И та и другая сторона построили фортификационные сооружения. От Монастырки до Журжинец партизаны выкопали окопы и установили здесь свою артиллерию и пулеметы. «Германское командование ограничивается постройкой боевых позиций вокруг города... немцы не считают себя достаточно сильными для более энергичных действий»,—отмечалось в сводке министерства внутренних дел.

Уже одно то, что десятитысячному отряду слабо организованных и плохо вооруженных повстанцев удалось не только выдерживать наступление двух пехотных германских полков и кавалерийской бригады, усиленных авиацией, но и заставить их самих принять оборонительное положение и закапываться в землю, свидетельствует об исключительном мужестве и громадной устойчивости боевого революционного духа повстанцев. Вооружение отрядов было самое пестрое. У повстанцев были винтовки всех систем—немецкие, австрийские, французские. Пулеметы были, главным образом, немецкие. Большая часть оружия была захвачена у немцев и гайдамаков. Повстанческие отряды боролись оружием, захваченным у противника. Однако, как и во всех предыдущих сражениях, исход боя решала обыкновенно германская артиллерия. Те артиллерийские орудия, которые партизанам удавалось захватить у немцев и гайдамаков, эффективно использовать нельзя было, так как запасы снарядов быстро иссякали, а своего артиллерийского парка партизаны не имели. 27 июня германские и гайдамацкие войска общей численностью от 10 тысяч до 12 тысяч человек с тяжелой артиллерией, пулеметами и аэропланами начали последовательно окружать повстанцев. 29 июня германские войска заняли Лисянку, которая в течение всего месяца была штабом революционных повстанческих отрядов уезда. Основное ядро повстанцев передвинулось на территорию Таращанского уезда. В тот же день началось второе наступление повстанческих отрядов на Таращу. Так как германские главные силы были сосредоточены в Звенигородском уезде, то взять Таращу особого труда не представляло. Небольшой немецкий гарнизон в тот же час разбежался, а отряд державной варты в 60 человек частью был перебит в самом городе, а частью уничтожен крестьянами соседней деревни, когда он пытался бежать из города. С 29 июня по 20 июля повстанцы являлись полными хозяевами в Таращанском уезде и в самом городе. Все это время таращанские повстанцы вели энергичную работу по формированию партизанских отрядов в других уездах губернии. Так, в Ольшанскую волость Звенигородского уезда «приезжала депутация от повстанцев Таращанского уезда», после чего около двадцати человек с каждого села этой волости направилось в Уманский уезд формировать партизанские отряды. В Володарской,

Поволочской и Ходарковской волостях были сформированы «красные сотни», которые направлялись в Таращанский уезд для борьбы с немцами. Крестьяне соседних уездов оказывали таращанским повстанцам помощь всем, чем могли: продовольствием, фуражом, одеждой и оружием. Из сел Антоново, Лаврики и Теремок крестьянами было отправлено в Таращанский уезд 200 винтовок и один пулемет. Героическая борьба звенигородцев и таращанцев встречала полную и моральную и материальную поддержку как со стороны крестьянства Киевщины и других губерний, так и со стороны городского пролетариата. Повсюду организовывались отряды партизан, которые вступали в борьбу с германскими частями, направлявшимися на подавление восстания в Звенигородском и Таращанском уездах. Волна повстанческого движения перешла из Таращанского уезда и захватила Островскую, Езерненскую и Рекитянскую волости Васильковского уезда той же Киевской губернии. Здесь повстанческие отряды заняли Синявский сахарный завод, укрепили село Синява, выставили пулеметы и объявили мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Местный отряд гетманской милиции был обезоружен и разогнан. В районе сел Маслово и Великий Куш, Златопольской волости, Чигиринского уезда, против германцев действовал отряд «большевиков» числом около 100 человек. А в селах Юдаевка, Круглик, Литовская-Вита и Великая Дмитровка, Будаевской и Хотовской волостей Киевского уезда количество партизан, организованных в отряды, доходило до тысячи человек. В большинстве других уездов Киевской губернии партизанские выступления против германских войск, помещиков и гетманской администрации носили главным образом эпизодический характер. Численность партизанских отрядов не превышала 30—50 человек, и борьбу они вели, главным образом, на территории своего села или волости. Более систематический характер наряду с Звенигородским и Таращанским уездом крестьянские выступления приняли в Сквирском уезде. Как мы уже отмечали выше, крестьяне этого уезда оказывали энергичную вооруженную помощь повстанцам Таращанского уезда. Однако сквирские крестьяне вовсе не ограничивались только помощью таращанцам и звенигородцам. Они энергично готовились к схватке с германскими оккупационными войсками и на территории своего уезда. По всему уезду уже в первых числах июня шла организация красных партизанских отрядов. В селах Терешки, Антоново, Лаврики, Рубченки, Руде-Село, Капустенцы, Чипиженцы, Володарка, Логвин, Торган и хуторе Злодеевка, в которых действовала боевая партизанская организация «Червонный стяг», были созданы отряды «Червоного казачества». В конце июня наблюдалась усиленная концентрация повстанческих отрядов в Володарском лесу, которые, по сообщению сквирского уездного старосты, собирались напасть на город Сквир. Весь июль в этом уезде шли вооруженные столкновения повстанцев с германскими разъездами и патрулями. Более крупные бои здесь развернулись только в августе 1918 г., когда массовое восстание в Звенигородском и Таращанском уездах уже закончилось и часть повстанческих

сил перешла на территорию Сквирского и других уездов Киевщины. В двадцатых числах июля германское командование начало подтягивать крупные воинские части к центру восстания—в Звенигородский и Таращанский уезды. Для того чтобы окружить «мятежные» уезды, немцы перебрасывали свои воинские части из Киева, Фастова и Белой Церкви по двум железнодорожным направлениям: Фастов—Цветково и Умань—Цветково. В свою очередь повстанцы, чтобы не дать себя окружить, выслали двухтысячный отряд с тремя орудиями перерезать в районе станции Корсунь движение немецких эшелонов. Днем 23 июля этот партизанский отряд подошел к г. Корсунь на расстоянии пяти верст. В тот же день его головной отряд в 45 человек ворвался в Корсунь и обстрелял немецкий разъезд. Отряд державной варты разбежался, некоторые из вартовых бросились в реку Рось, где были пристрелены, а немецкий отряд в 800 человек отступил на станцию Корсунь, где и окопался.

Однако, несмотря на то, что повстанцы принимали все меры против немецкого окружения, они не могли противостоять во много раз превосходящему по силе противнику. Сконцентрировав здесь до 35 тысяч своих войск с броневедомобилями, артиллерией и аэропланами, немцы начали сужать кольцо своего окружения.

Хитрый враг намеревался окружить и полностью уничтожить оставших звенигородцев и таращанцев. Когда в последних числах июля кольцо немецкого окружения стало сужаться, повстанцы решили предпринять прорыв. У местечка Стеблево Каневского уезда разгорелся жаркий бой. С обеих сторон в этом сражении участвовало до 50 тысяч человек.

Немцы не выдержали стремительного натиска повстанцев, цепь их прорвалась, и повстанцы с сравнительно небольшими потерями вырвались из вражеского окружения.

Немцы же во время боя понесли крупные потери.

Большое скопление вражеских войск на территории Звенигородского, Таращанского и смежных с ним уездов не останавливает повстанцев от продолжения борьбы.

Узнав о формировании в «нейтральной зоне»¹ повстанческой украинской армии, повстанцы в количестве 6 тысяч человек приняли решение переправиться через Днепр и пробиться в «нейтральную зону»; остальные повстанцы, разбившись на небольшие отряды, остались на Киевщине продолжать борьбу с ненавистным врагом.

Разгромив немецкий заслон у деревни Койлово Переяславского уезда, партизаны переправились через Днепр.

Весь путь через Полтавскую и Харьковскую губернии до «нейтральной зоны» таращанцам и звенигородцам пришлось проделать, имея постоянные схватки с германскими войсками. Не один раз немцам приходилось отступать перед партизанами. Повсюду крестьяне

1 «Нейтральная зона» шириной в 10—20 километров была установлена на всем протяжении советско-украинской границы, зафиксированной Брестским договором.

Полтавщины и Харьковщины присоединялись к отрядам и вместе с ними громили немецких оккупантов. Рабочие Романовского завода, Лебединского уезда, Харьковской губернии, вместе с таращанцами и звенигородцами приняли участие в боях. Лебединский уездный староста доносил харьковскому губернскому старосте, что рабочие этого завода и местное население оказывали повстанцам «всевозможное содействие».

В пути из тактических соображений повстанцы разбились на несколько самостоятельных отрядов и таким порядком пробивались к «нейтральной зоне».

В последних числах августа отряды пробивались в расположенные «нейтральной зоны», частью на территории Курской, а частью Черниговской губернии. За время перехода в боях с немцами и гайдамаками повстанцы Звенигородского и Таращанского уездов потеряли до одной трети своего первоначального состава. Все остальные прибыли в «нейтральную зону», полные решимости продолжать борьбу с оккупантами.

С уходом основной части повстанческих отрядов в «нейтральную зону» партизанская борьба в Звенигородском и Таращанском уездах не прекратилась. Правда, теперь, в августе 1918 г., мы здесь уже не видим многочисленных отрядов партизан. Повстанцы перешли к тактике внезапных налетов на германские гарнизоны, караулы и разъезды небольшими отрядами в 50—100 человек. После каждой такой операции они быстро рассеивались по окрестным деревням, где отыскать их было крайне затруднительно.

Так, например, 14 августа в районе Лисянки партизаны обстреляли германский разъезд; было убито три немца и один ранен.

5 августа партизаны в районе села Хижанец Звенигородского уезда убили двух и ранили трех немецких солдат; в тот же день в Губском лесу того же уезда было также убито два и ранено три германских солдата.

19 августа внезапное нападение на германский отряд было произведено в Сокольском лесу все того же Звенигородского уезда; несколько немцев было убито.

Таким образом, хотя само звенигородско-таращанское восстание и закончилось в конце июля 1918 г., борьба звенигородцев и таращанцев против интервентов не прекратилась. Методически, изо дня в день крестьяне-повстанцы продолжали уничтожать физически и дезорганизовывать морально армию врага.

В июне—июле кривая роста крестьянских вооруженных выступлений резко пошла вверх. Способствовал этому не только все усиливающийся гнев германского оккупационного режима и рост сознания широких народных масс в необходимости изгнания войск оккупантов, но и приближение периода уборки урожая.

На полях, обильно политых потом и кровью украинского народа, зрел урожай, плоды которого собирались пожать немцы и украинские помещики.

Повсеместно крестьяне, по примеру звенигородцев и таращанцев,

организовывали партизанские отряды и вступали в вооруженную борьбу с германскими войсками.

«Несмотря на жесткие репрессивные меры наших войск,—телеграфировал 25 июля в Берлин советник германского посольства в Киеве Берхем,—брожение среди крестьянского населения в отдельных районах все еще продолжается».

Восстания не только «продолжались», но и росли.

В Екатеринославской губернии с особой силой восстания развернулись в Новомосковском, Верхнеднепровском и Александровском уездах.

В село Котовку Днепропетровского уезда командованием XII корпуса интервентов 15 июня 1918 г. была снаряжена целая экспедиция, состоявшая из двух батальонов 65-го пехотного полка. В сообщении штаба 65-го пехотного полка командованию 15-й австро-венгерской пехотной дивизии от 18 июня 1918 г. указывается, что Котовка является «язвой для всей области», что она «до последней степени заражена социализмом» и что «котовцы численностью в несколько сот человек хотят оказать сопротивление в случае прихода каких-нибудь частей в их деревню». Судьба котовских повстанцев оказалась трагической. Ночью под 15 июня село было окружено почти тысячным хорошо вооруженным австро-венгерским отрядом. В три часа утра совершенно неожиданно было произведено немцами нападение на село. Несмотря на отчаянное сопротивление, только части повстанцев удалось вырваться из окружения. Плохая организация службы охраны оказалась роковой для котовцев.

Упорные бои с австро-венгерскими войсками были в районе к северо-западу от Ново-Украинки Екатеринославской губернии. Здесь были организованы партизанские отряды из крестьян сел Терновка и Тушковка, причем один только терновский партизанский отряд был численностью в один полк и имел 26 пулеметов.

В боях с оккупантами участвовало буквально все население этих деревень. В бою при Тушковке 22 июня участвовали даже женщины и дети.

Аналогичные выступления крестьян происходили и в Волынской губернии.

Об одном из таких крестьянских выступлений против австро-венгерских и гайдамацких войск рассказывает в своем письме к киевскому областному союзу земельных собственников член кременецкого союза земельных собственников помещик Георгий Бобриков.

В этом письме Бобриков указывает, что в Кременецком уезде «большевицкая тайная пропаганда по селам была очень энергичная и что достаточно малого повода, чтобы всколыхнуть массу». Таким поводом для начала восстания в Кременецком уезде послужил приезд вооруженного отряда гетманской милиции во главе с председателем кременецкого отдела союза земельных собственников Гуляницким в село Зарудье для «выяснения» убытков, причиненных имению графа Грохольского.

В результате отказа крестьян вступать в переговоры по этому вопросу произошло столкновение с отрядом гетманской милиции. Крестьяне Зарудья уже заранее готовились к столкновению с австрийцами и германцами. Вокруг села и в самом селе оказались уже вырытые окопы. В результате столкновения гетманский отряд вместе с Гуляницким был уничтожен повстанцами. Прибывший сюда отряд австрийских войск не посмел выступить против повстанцев и полностью сдал повстанцам все имеющиеся у него винтовки и пулеметы.

Направленный сюда второй отряд австрийцев не только побоялся вступить в бой с повстанцами, но даже не пропустил сюда гетманской варты, под предлогом того, что «крестьяне страшно возбуждены... и они боятся восстания».

Успех боевых действий крестьян Зарудья поднял на восстание весь уезд, повсюду стали организовываться вооруженные партизанские отряды.

В Староконстантиновском уезде Волынской губернии были целиком охвачены восстанием Авратинская и Базалийская волости. Расквартированные здесь два отряда гетманской варты были уничтожены повстанцами.

Однако вооруженные выступления крестьян происходили не только в уездах, которые волынский староста называл в своих донесениях министерству внутренних дел «ненадежными». Так, в селе Большая Мошаница, Будеражской волости, Дубенского уезда, бывшими матросами Черноморского флота Иваном Капитула и Данилом Головай был сформирован крестьянский отряд. Этот отряд 12 июля 1918 г. вступил в бой с прибывшим в село отрядом державной варты для учинения экзекуции по случаю расхищения крестьянами лесоматериала из имения графа Воронцова-Дашкова. В результате этого столкновения почти весь отряд варты был перебит. Когда из Дубно была выслаана конная сотня варты и немецкие отряды с артиллерией, то партизаны вступили с ними в бой.

В течение нескольких часов продолжалась упорная схватка. Только артиллерийское превосходство оккупантов заставило повстанцев оставить свое родное село. Один из руководителей крестьян—матрос Иван Капитула был убит во время боя, другой—Данил Головай, окруженный немцами, застрелился, не желая сдаваться в плен. Немцы сожгли целиком все село.

Крестьяне-повстанцы рассеялись небольшими отрядами по окрестным лесам и продолжали все лето борьбу с немцами.

В Херсонской губернии и особенно в ее северной части, граничащей с Киевской губернией, все лето 1918 г. продолжались крестьянские восстания. Повстанцы Елисаветградского уезда часто оказывали вооруженную помощь соседнему, Звенигородскому уезду.

Партизанский отряд из села Канижа выступил против австро-венгерских войск, которые прибыли сюда для установления «порядка». Между партизанами и войском оккупантов 11 июля 1918 г. произошло настоящее сражение.

Как и повсюду на Украине, партизаны Херсонщины часто обращали в бегство воинские части захватчиков.

Градоначальник Одессы Мустафин сообщал в департамент державной варты, что 1 августа отряд австрийских солдат пытался забрать солому у жителей села Татарки Дальяницкой волости.

Возмущенные этим жители собрались по набату и угрожали австрийцам расправой. Австрийцы, побросав оружие, бежали.

В Лубенском, Пиритинском, Золотоношском и других уездах Полтавской губернии крестьяне, вооруженные охотничьими ружьями, топорами, вилами и дрекольем, не один раз заставляли отступить отряды оккупантов и гетманских опричников. Малыми отрядами немцы боялись показываться в деревни. «По моему мнению,—доносил 7 июля лубенский уездный староста полтавскому губернскому старосте,—приносят пользу только многочисленные экспедиции с орудиями и пулеметами».

От немецкой артиллерии повстанцы уходили в леса и болота, куда немецкие отряды не решались сунуть свой нос.

В Золотоношском уезде количество организованных повстанцев доходило до 10 тысяч человек.

Выступления крестьян происходили и в Харьковской губернии. Телеграммы губернского старосты министру внутренних дел полны сообщений об «ухудшении» настроения населения.

Каждый день то здесь, то там—то из-за угла, то с чердака, то из леса—раздавались выстрелы. Каждый из них вырывал по солдату или офицеру из армии оккупантов.

Черниговская губерния, которая иначе как «беспокойной» в различных донесениях гетманских чиновников не фигурирует, доставляла особо много «забот» германским войскам. Непосредственное соприкосновение с «нейтральной зоной», из которой повстанцы серьезно угрожали войскам оккупантов, заставляло не один раз черниговского губернского старосту обращаться к министру внутренних дел и гетману Скоропадскому с просьбой отодвинуть демаркационную линию.

Даже ценой уступки территории гетманцы пытались отодвинуться подальше от «беспокойной» линии.

В июне по всей Черниговщине шла организация повстанческих комитетов. Эти комитеты распределялись на сельские, волостные и уездные. Деятельность комитетов была строго централизована.

Кроме связи с Всеукраинским повстанческим комитетом местные комитеты Черниговщины были самым тесным образом связаны с повстанческими организациями «нейтральной зоны» и советскими и партийными организациями соседних Орловской и Курской губерний. Отсюда повстанцы получали и оружие, и боеприпасы, и литературу, и опытных организаторов-большевиков.

В Конотопском, Рыльском, Новгород-Северском, Путивльском, Гомельском, Козелецком и Нежинском уездах в июне—июле успешно шла организация партизанских отрядов. В Новгород-Северском уезде из рабочих помещичьих имений и батраков были организованы отряды Красной гвардии.

Одновременно с партизанскими отрядами по всей Украине создавались дружины народного ополчения. В 1918 г. здесь вновь были воскрешены великие традиции славянских народов всенародного отпора натиску иностранных завоевателей. Дружины народного ополчения являлись опорой партизанских отрядов, которые в свою очередь были подвижными боевыми ядрами вооруженного народа.

Как правило, ополченцы выступали против оккупантов только тогда, когда партизанские отряды своими силами не могли справиться с противником. «Ополчение подымается... в тех случаях, когда надо «наваливаться» на неприятеля в один раз, что называется «всем миром»,—говорится в инструкции местным повстанческим комитетам¹.

После того как немецкие отряды уничтожались, ополченцы, как правило, расходились по домам, на свою обычную работу.

В отдельных случаях для совместных выступлений против немцев отдельные партизанские отряды объединялись. Так, в конце июня такие объединенные боевые действия партизан против немцев имели место в районе Бегощи, Крупецкой волости, Путивльского уезда.

К началу августа партизанские боевые выступления в Черниговской губернии, в районах, смежных с «нейтральной зоной», приняли такой характер, по словам черниговского старосты, «что не только представители гетманского правительства, но и немецкие военные силы оказывались в положении обороняющейся стороны». Причем в городе Нежине и уезде, как говорится в сводке министерства внутренних дел за 1 августа 1918 г., «положение настолько обострилось, что ежедневно можно ожидать повторения Звенигородской истории». Участковые и районные отделения державной варты по всему уезду были уничтожены, телеграф и телефон захвачены повстанцами.

В селе Веркиевке этого же уезда крестьяне в ответ на зверства немецких интервентов сожгли в помещичьей усадьбе караульное помещение вместе с командой из 20 немцев и 50 гайдамаков. Карательную экспедицию они встретили пулеметным огнем. Немцы, несмотря на свое количественное превосходство, бежали, оставив более 150 человек убитыми. После этого немцы в Веркиевку больше не показывались.

В последующие месяцы партизанская борьба шла с неослабевающим напряжением. В той же самой Киевской губернии, на которой мы достаточно подробно останавливались в предыдущей главе, продолжало действовать против войск оккупантов и гайдамаков большое число партизанских отрядов. Здесь, как указывается в сводке министерства внутренних дел за 19 августа, «организация партизанских отрядов очень широко раскинула свои сети».

Действия отрядов были молниеносны. Они быстро появлялись и исчезали. Для борьбы с крупными силами противника они объединялись и затем опять быстро рассеивались.

Так, в Васильковском и Каневском уездах с 10 по 15 августа

¹ См. приложение «Краткая инструкция местным повстанческим комитетам».

действовал отряд повстанцев в 1 500—2 000 человек. Одновременно в Сквирском уезде действовал отряд, состоящий из тысячи человек пехоты и 400 человек конницы.

Для подавления повстанческого движения в Сквирском уезде губернский староста просил начальника штаба группы войск Кирбаха согласовать действия 22 и 27-го германских корпусов. «Окружены и уничтожены банды могут быть лишь при согласованности действий означенных корпусов, так как банды, учитывая разграничительную линию германских корпусов, при приближении германских войск перекочевывают через названную границу. В целях окружения и уничтожения повстанческих банд в указанных районах (районы сел Ожиговка, Острая Могила, Лихачиха, Матвейха, Щербаки, Езерно, Пархомовка, Володарка.—С. М.), убедительно прошу ваше превосходительство о согласованности действий 22 и 27-го резервных корпусов, а также об усилении германских частей в Сквирском уезде».

В Подольской губернии во второй половине августа в районах сел Кукавки, Белани-Цареградской и Щербиновки повстанцы в числе от одной до двух тысяч человек несколько раз вступали в бой с австрийскими войсками. Здесь восставшими крестьянами были убиты начальник варты и его помощник. Близ села Дунаевцев крестьянами было сделано нападение на австрийскую часть, собиравшую урожай на их земле.

Когда австро-венгерское военное командование приступило к переброске подкреплений по железной дороге, то партизаны начали пускать воинские эшелоны под откос.

14 августа путем развинчивания рельс был пущен под откос поезд в районе станции Проскурово, а 17 августа—на перегоне между станциями Зябровка и Новосельцы. И в том и в другом случае были убитые и раненые австрийцы.

В Александровском уезде Екатеринославской губернии, в районе Больше-Михайловской и Мало-Михайловской волостей, в сентябре 1918 г. действовал партизанский отряд из 70 человек.

В Больше-Янисольской, Комарской, Времьевской, Андреевской и Старо-Керменчинской волостях Мариупольского уезда в октябре действовал отряд повстанцев с 4 пулеметами. Близ хутора Отрадное между повстанцами и интервентами завязался бой, во время которого австрийцы и варта должны были отступить. Отступали они до тех пор, пока из Волновахи не прибыли австрийские подкрепления с орудиями и пулеметами.

Наиболее частые столкновения партизан с германскими войсками происходили в районах Черниговской и Харьковской губерний, смежных с «нейтральной зоной». В середине сентября партизаны несколько раз производили налеты на немецкие гарнизоны Новгород-Северска, Глухова, Ямполья и др. Помогали им повстанцы из «нейтральной зоны».

В районе села Мартыновки пограничного Суджанского уезда был сформирован партизанский отряд в 800 человек, состоящий преимущественно из матросов. Такой же отряд был и в Волчанском уезде

Харьковской губернии. 17 октября этот отряд вел бой с немцами и вартой, причем последние были вынуждены пустить в ход не только пулеметы, но и орудия.

Размеры крестьянских восстаний на Черниговщине были таковы, что германское военное командование было вынуждено перебрасывать сюда дополнительные силы из других губерний Украины. А это в свою очередь означало, что ослабленные гарнизоны в других губерниях должны были переходить от наступления к обороне.

Для борьбы с немцами в самой «нейтральной зоне» повсеместно формировались партизанские отряды. Так, например, в районе Обояни было организовано два партизанских отряда, в 100 и 200 человек; отряды в районе Корочи (в селах Ломово, Заячье и Б. Городище) насчитывали до тысячи человек. Были отряды и в селах Старо-Иваново, Рождественское, Вороньевка, Разоренные хутора и др.

К партизанским отрядам, состоявшим из крестьян «нейтральной зоны», присоединялись и партизаны, перешедшие сюда из Украины. Одиночками, десятками, сотнями, а в отдельных случаях и тысячами они пробивались сюда из Черниговщины, Киевщины, Харьковщины, Полтавщины. В конце июля 1918 г. местные большевистские организации приступили к формированию крупных войсковых частей из отдельных разрозненных отрядов. Здесь, на этой «нейтральной» территории, не нарушая условий Брестского договора, можно было создать основное ядро регулярной украинской Красной Армии, которая должна была нанести первый и решительный удар германской оккупационной армии.

Партия большевиков и лично товарищи Ленин и Сталин уделяли большое внимание организации борьбы украинского народа. Известно, что В. И. Ленин лично принимал украинского большевика Щорса и давал ему указания о том, как лучше повести украинский народ по пути освобождения от немецкого ига.

Выполняя директиву Ленина, Щорс в первых числах августа 1918 г. в районе Унеча—Почеп, на границе «нейтральной зоны», приступил к формированию большого партизанского отряда. В Серединой-Буде, конечной станции линии Брянск—Конотоп, в конце июля начал формировать свой партизанский отряд киевский столяр, рабочий арсенала большевик Боженко. В лесах Новгород-Северского уезда крестьянин-бедняк Черняк создавал партизанский отряд из повстанцев северной Черниговщины.

22 сентября Центральный военно-революционный комитет Украины издал приказ о формировании двух регулярных повстанческих советских дивизий из отдельных партизанских отрядов, стоящих в «нейтральной зоне». Первая дивизия формировалась на границе Черниговской губернии (впоследствии составила группу войск Киевского направления), другая—на границе Курской губернии (составила группу войск Харьковского направления). Дивизии должны были состоять из четырех полков шестиротного состава. Каждому полку придавался эскадрон кавалерии и четырехорудийная батарея. В первых числах октября дивизия уже была полностью сформирована и в нее вошли:

1-й полк Червоного казачества, развертывающийся в бригаду двухполкового состава (2 тысячи человек пехоты, 2 сотни и 8 орудий),

2-й полк—Таращанский (2 тысячи человек пехоты, полторы сотни и 4 орудия),

3-й полк—Богунский (1 500 человек пехоты, 1 сотня и 2 орудия),

4-й полк составил бывший 1-й полк Червоного казачества, ¹вернувшийся в бригаду.

Командиром Богунского полка был назначен его организатор Щорс, Таращанского полка—Боженко.

К концу октября было закончено формирование и 2-й повстанческой дивизии, в состав которой вошли:

5-й полк—Глуховский,

6-й полк—Корочанский (в селе Ломове),

7-й полк—Суджанский (в селе Ивановское),

8-й полк—Обоянский.

Штаб 1-й дивизии вначале находился в Зерново, а затем перешел в Унечу; штаб 2-й дивизии находился в Льгове.

Таким образом, к осени 1918 г. «нейтральная зона» превратилась в мощный центр революционных сил Украины, восставшей против немецких захватчиков.

Большевики Щорс, Боженко, Черняк и др. не покладая рук работали над созданием из своих повстанческих полков дисциплинированных и боеспособных частей регулярной украинской Красной Армии.

За развитием и формированием этих полков зорко следили Ленин и Сталин.

Когда в «нейтральной зоне» появились хорошо организованные части украинской Красной Армии, немецкие захватчики потеряли вкус к нападениям на советскую территорию. А в тех случаях, когда они еще пробовали показать свою ретивость, они каждый раз получали хороший отрезвляющий ответный удар. Так, в районе станции Почеп 9 ноября 2-й Таращанский полк в виде репрессий за аресты большевиков, произведенные немецкими налетчиками на территории «нейтральной зоны», выступил из зоны и жестоко наказал немцев. Почти все налетчики были уничтожены. Изрядно доставалось и любителям пограбить—бандитским гетманским отрядам. В сводке осведомительного отдела Скоропадского указывается, что «в ночь на 1 октября глуховская комендантская сотня в составе 50 человек самовольно выехала за демаркационную линию в село Кучеровку, где была окружена большевиками; есть убитые и раненые; надежды на спасение сотни мало».

Таким образом, и в районе демаркационной линии, между Советской Россией и Украиной, германские и гайдамацкие воинские части в этот период времени должны были перейти от наступления к обороне.

«Нейтральная зона», в которой на глазах у немцев формировалась мощная народная повстанческая армия Украины, не только действовала отрезвляюще на солдатские массы оккупационной армии, среди которых германской буржуазией культивировалось мнение о «непобедимости»

германского оружия, но и вызывала разложение в их рядах. Солдаты оккупационной армии видели, что с каждым днем кольцо народной войны сжимает их все более и более, что на севере, юге, востоке, западе и внутри самой Украины вырастают хорошо организованные полки народной армии, которые грозят им отрезать путь отступления на родину и готовят могилу на чужбине.

Однако не только перспектива быть уничтоженными восставшим народом оккупированной страны разлагающе действовала на австро-германскую армию,—во много раз более разлагающее действие производило самое соприкосновение рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии, одетых в серые солдатские шинели, с рабочими и крестьянами революционной Украины, борющимися за свое национальное освобождение и за дело пролетарской революции.

Рост и укрепление сил революционного народа Украины сопровождалось одновременным ослаблением и физической и моральной мощи армии австро-германских оккупантов.

Росли силы отечественного фронта украинского народа—таяли и деморализовались силы иноземных завоевателей.

Успех отечественной войны украинского народа против германских оккупантов состоял именно в том, что партии большевиков удалось все вооруженные выступления крестьянства провести при самой близкой и активной поддержке пролетариата.

Пролетарии фабрик и заводов Украины оказывали помощь крестьянству не только путем стачек и забастовок, но и путем посылки оружия и организаторов-агитаторов и одновременным вооруженным выступлением против интервентов. А когда летом по всей Украине прошла широкая волна крестьянских восстаний, рабочие-железнодорожники устроили всеобщую полуторамесячную забастовку, помешав тем самым немцам перебросить свои войска для подавления восстаний. Этого повсеместного объединения рабочих с крестьянством для борьбы с интервентами последние боялись больше всего. Они отлично понимали, что многомиллионное украинское крестьянство, действуя совместно с городским пролетариатом, под руководством партии большевиков превращается в грозную силу.

РАЗГРОМ ГЕРМАНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В КОНЦЕ 1918 г.

К октябрю—ноябрю 1918 г., т. е. к кульминационному моменту отечественной войны украинского народа против германских оккупантов, создалась следующая обстановка:

1. Германская оккупационная армия вместо предполагаемой «увеселительной» прогулки по Украине встретила самый сокрушительный отпор со стороны всего народа и оказалась армией осажденного лагеря, обреченной или на капитуляцию, или на полный разгром.

2. Под ударами украинского народа, поднявшегося на великую отечественную войну против чужеземного ига, оккупационная армия германского империализма начала быстро разлагаться и терять свою боеспособность.

3. Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина, поднявшая на отечественную войну весь народ Украины, организовала и вооружила его для нанесения окончательного удара оккупантам. Вся Украина была покрыта сетью военно-революционных комитетов, которые объединяли и руководили деятельностью многочисленных партизанских отрядов. Партийные организации Украины, разгромленные оккупантами в марте—апреле 1918 г., в подполье восстанавливали свои ряды и непосредственно руководили деятельностью ревкомов и партизанских отрядов. В «нейтральной зоне» были организованы и вполне подготовлены к бою две хорошо вооруженные и дисциплинированные украинские повстанческие дивизии.

4. 8 августа 1918 г. был «черным днем» германской армии. В этот день в сражении у Амьена германская армия потерпела величайшую катастрофу. Разгромленные германские войска отступали под ударами армий Антанты.

Германское командование, мечтавшее о победе над всем миром, было в состоянии полной растерянности и требовало от правительства заключения перемирия. Еще 29 сентября капитулировала Болгария, за ней Турция и Австро-Венгрия. 9 ноября 1918 г. был свергнут кайзеровский режим в Германии. Сам кайзер бежал в Голландию. Постановлением ВЦИК был ликвидирован грабительский Брестский договор.

5. Обстановка на фронтах гражданской войны Советской России складывалась в пользу Красной Армии. Героическая оборона Царицына под руководством Сталина и Ворошилова срывала все планы холопа германского империализма генерала Краснова. На восточном фронте белые армии контрреволюционной «Уфимской директории» после ряда ударов Красной Армии стали быстро откатываться на восток. 3 октября ими была оставлена Сызрань, 7 октября—Самара. Правительство «директории» из Уфы бежало в Омск.

6. Соприкосновение с армией революционного советского народа и действие таких факторов, как победа Октябрьской социалистической революции в СССР и назревание революционного кризиса в самой Германии, вызвали сильный рост революционного настроения в оккупационной австро-германской армии.

Таким образом, для советского народа к этому времени складывалась обстановка, дававшая возможность перейти в генеральное наступление на оккупационные войска германского империализма.

В ноябре 1918 г. товарищ Сталин писал по этому поводу, что «...разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма. Разорению и порабощению Украины приходит конец. Разгорающийся на Украине революционный пожар сметет последние остатки империализма с их «национальными» привычками. Возникшее на волнах революции «Временное рабоче-крестьянское правительство Украины» будет налаживать новую жизнь на началах господства рабочих и крестьян Украины»¹.

Что касается состояния германской оккупационной армии на Украине, то оно определялось прежде всего ростом силы сопротивления украинского народа.

Моральный дух германской оккупационной армии был подавлен. Полумиллионная, хорошо вооруженная и дисциплинированная армия, разбросанная по громадной территории с двадцатимиллионным населением, оказалась незначительной силой в сравнении с все растущими силами народной войны. Для того чтобы держать захваченную страну в повиновении, нужно было подавить сопротивление восставшего народа. А для этого требовалось наличие гарнизона в каждом городе, селе и деревне. Естественно, что оккупанты не могли себе позволить такой роскоши, ибо для этого оккупационную армию пришлось бы увеличить в десятки раз. Раздробить имеющуюся армию на мельчайшие гарнизоны означало обречь их на верную гибель. Но поскольку оккупация была все же оккупацией и немцы изо всех сил старались сохранить жесткий оккупационный режим в захваченной ими стране, они должны были в силу необходимости идти на дробление своих сил. Отсюда и понятно, что такие немецкие гарнизоны очень часто оказывались в положении обороняющейся стороны.

Не выдвигая географические условия на первое место, мы все же должны признать, что размеры оккупированной территории сыграли

¹ Сталин, Сборник «Статьи и речи об Украине», 1936, стр. 68.

значительную роль в исходе освободительной войны украинского народа. Известный военный историк, которого Ленин называл одним из самых глубоких писателей по военным вопросам,—Клаузевиц, писал:

«Чем больше эта поверхность (оккупированная территория.—С. М.) и чем шире соприкосновение между народными массами и неприятельской армией,—следовательно, чем больше последняя распространяется,—тем сильнее воздействие народной войны. Оно разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои неприятельской армии»¹.

И в этом случае, как далее указывает Клаузевиц, когда пламя народной войны охватывает кольцом оккупационную армию, последняя оказывается вынужденной «очистить страну, чтобы не погибнуть полностью».

Германская оккупационная армия оказалась в таком окружении, которое в конце концов и привело к ее разгрому и бегству из Украины. Это были вынуждены признать даже представители австро-германского военного командования и руководители дипломатии. Еще в марте 1918 г. австрийский посол в Киеве Форгач передавал свой разговор с германским генералом: «Генерал от инфантерии фон Гренер очень озабочен, что предприятие, затеянное довольно беспланово, принимает все более широкие размеры и требует все большего количества войск». 17 августа австро-венгерский министр иностранных дел Буриан телеграфировал из Вены Форгачу в Киев, что «общее положение может создать необходимость вывода из Украины стоящих там в настоящее время австро-германских войск. Этот вопрос рассматривается сейчас верховным командованием Австро-Венгрии и Германии».

Таким образом, *крах оккупации был неизбежен прежде всего потому, что войска оккупантов не могли справиться с народным восстанием, независимо от внешних причин—поражения на западном фронте и революции в Германии.*

Большевистское влияние, от которого так усердно отгораживалось барьером с севера германское военное командование, проникло в оккупационную армию из среды революционно настроенных украинских рабочих и крестьян.

Чтобы подавить рост этого влияния, германской военной кликой применялись все средства воздействия, начиная от лекций профессоров германских университетов на темы «о любви к родине» и кончая виселицами и расстрелами.

Несмотря на все эти меры «профилактики» и репрессии, в солдатских массах оккупированной армии росло недоверие к офицерскому составу; отказ выполнить приказ офицера становился частым явлением.

С особой силой это разложение коснулось австро-венгерских и в частности славянских частей. Это разложение являлось отражением общего распада австро-венгерской монархии.

Оккупанты грабили Украину, забирали у населения все, что могли, и посылали к себе на родину. Они смотрели на оккупацию

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, Военное издательство, 1941, стр. 173.

как на средство легкой наживы. Даже такие высокопоставленные особы, как австрийский губернатор Одессы фельдмаршал-лейтенант фон Бельц и начальник его штаба фон Гемпель, приняли весьма энергичное участие в хищении народного имущества, в спекуляции и других грязнейших махинациях.

Что же касается солдат и рядового офицерства, то они не отставали от начальства, и среди них процветали мародерство, грабежи и спекуляции.

Изголодавшиеся империалистические шакалы не стеснялись ни количеством, ни качеством, ни ассортиментом награбленного,—увозили буквально все, что попадалось под руку. Так, при ограблении железнодорожных пакгаузов в городе Мариуполе немцы в спешке погрузили в вагоны упакованные в тюки брошюры антирелигиозного содержания. Этот курьезный случай произошел в октябре 1918 г., т. е. тогда, когда оккупанты уже собирались бежать в Берлин и Вену.

Сообщения губернских и уездных старост в гетманское министерство внутренних дел переполнены за это время сведениями о спекуляции, грабежах и мародерстве германских солдат. Солдатские посылки на родину состояли преимущественно из награбленного сала, масла и хлеба. В том случае, когда грабить не удавалось, устраивался своеобразный товарообмен. Германские часы, бритвы и другие предметы обменивались на 3—5 фунтов масла или сала. Часто при этом в обмен пускались ружья, пулеметы и патроны. Украинские крестьяне охотно отдавали пуд сала за пулемет «Максим» или за несколько винтовок с патронами. Они готовились к разгрому оккупантов с помощью от них же полученного оружия.

«Честь» германского оружия променивалась на украинское сало и масло.

Оккупационная армия превращалась в сборище спекулянтов и грабителей. Дисциплина падала. Солдаты выходили из подчинения своих офицеров.

При попытке перебросить некоторые полки из состава оккупационных армий на западный фронт германскому и австро-венгерскому командованию пришлось встретиться с массовым сопротивлением солдат. Солдаты требовали отправки их на родину.

«Мы здесь больше делать ничего не хотим. Довольно, все отсюда уйдем!»—заявляли австро-венгерские солдаты в Одессе. На вопрос, кто же здесь останется, они отвечали—«кайн менш» («ни один человек»).

Большая работа, развернутая большевистской партией среди оккупационных войск, с каждым днем отнимала все больше и больше солдат у германского военного командования. Большевистские листовки и воззвания пользовались большим спросом в войсках оккупантов.

Солдаты не только выходили из подчинения своему командованию, отказываясь бороться против рабочих и крестьян Украины, но и разоружали, арестовывали и расстреливали своих офицеров. К концу октября 1918 г. весь одесский гарнизон австро-венгерских войск оказался совершенно разложившимся.

29 октября в Одессе восстали два батальона 48-го пехотного полка. Все офицеры были арестованы. Солдаты вместе с рабочими освобождали из тюрем политических арестованных. Офицеры выходили на улицы города только в штатском. Для усмирения восстания среди австрийских частей в Одессу были переброшены «надежные» 121 и 122-й германские пехотные полки с артиллерией.

7—8 октября среди германских войск в Харькове произошел «форменный бунт», который удалось подавить только силой оружия. 1200 восставших германских солдат были расстреляны на сортировочных путях Харьковского железнодорожного узла. Восстание произошло на почве отказа солдат ехать на западный фронт.

В другом случае уже погруженные в эшелоны воинские части 21 октября 1918 г. взбунтовались на станции Калиновичи, при этом восставшими было убито 60 германских офицеров. Только с помощью «надежных» частей восставшие эшелоны удалось разоружить.

7 ноября в Жмеринке немецкие солдаты арестовали коменданта города, разоружили и расстреляли несколько офицеров. Как правило, в таких случаях оружие передавалось в руки революционных рабочих и крестьян.

Уже этих немногих перечисленных случаев достаточно для того, чтобы опровергнуть утверждения фашистских фальсификаторов истории, объясняющих причину провала оккупации Украины германской революцией.

Все приведенные выше факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что крах оккупации и разложение оккупационной армии начались значительно раньше германской революции.

Ноябрьская революция в Германии сыграла роль лишь последнего толчка, который помог украинскому народу окончательно изгнать оккупантов.

Таким образом, к началу ноября 1918 г. *германская оккупационная армия, бывшая в начале оккупации достаточно надежной силой для установления и поддержания оккупационного режима на Украине, в процессе народной войны была приведена в состояние полного физического, морального и политического разложения.*

Нужен был только еще один основательный удар, чтобы заставить ее бежать из пределов захваченной страны.

Начавшаяся в ноябре 1918 г. буржуазно-демократическая революция, низвергнувшая Вильгельма, облегчила победу отечественной войны украинского народа против германских оккупантов.

Как только в Москве было получено известие о происшедшей в Германии революции, В. И. Ленин в тот же день—9 ноября—по телеграфу дал директиву парторганизациям Орла и Курска, в которой предлагал «...напрячь все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине...» Большевицские организации немедленно взялись за выполнение этого указания Ленина.

Несмотря на все препятствия, чинимые германским командованием и слугами германского империализма—социал-демократами, не-

мецкие солдаты быстро узнали от большевиков о происшедшей на их родине революции.

В районах демаркационной линии началось братание немецких солдат с бойцами Украинской советской армии.

12 ноября, как сообщал В. И. Ленину Щорс, в Богунский полк прибыли представители 106 и 19-го немецких полков.

Из деревни Лыщичи 13 ноября Ленину была послана приветственная телеграмма от германских солдат и местного совета.

Владимир Ильич ответил на это телеграммой:

«Благодарю за приветствие всех, особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины...»

В результате большевистской пропаганды солдаты оккупационной армии все более понимали, «...что заправилами Германии руководят не цели «обороны немецкого отечества», а простая ненасытность обожравшегося империалистского зверя...»¹

В германских и австрийских частях стали создаваться советы солдатских депутатов.

На заседании советов солдатских депутатов 106-го ландверного полка 13 ноября 1918 г. председатель, солдат Пельг, сказал: «Немецкие солдаты-рабочие должны взять власть в свои руки, иначе через несколько же лет нас погонят снова на бойню. Российская революция указывает нам путь, по которому мы должны идти». На этом же заседании была принята резолюция «о передаче всей власти Совдепам».

В течение ноября во многих воинских частях австро-германской армии уже были организованы советы.

Однако, несмотря на это, украинскому народу пришлось продолжать вооруженную борьбу против оккупационной армии.

Объясняется это прежде всего тем, что значительная часть солдатских советов в частях оккупационной армии оказалась под влиянием шейдемановцев и кайзеровских офицеров, стремившихся всеми способами дезориентировать солдатские массы и втянуть их в конфликт с революционным украинским народом.

Эти солдатские советы по своему составу были похожи на советы в Германии, где революция «...была буржуазная, а не социалистическая, а Советы являлись послушным орудием буржуазного парламента, ибо в Советах господствовали социал-демократы, соглашатели вроде русских меньшевиков, чем, собственно, и объясняется ее слабость»².

Эта слабость солдатских советов давала возможность германскому командованию использовать свои войска после совершившейся в Германии революции против украинского народа. Эта же слабость советов использовалась некоторое время германским командованием для выполнения одного из условий Компьенского соглашения, по кото-

¹ Сталин, Сборник «Статьи и речи об Украине», стр. 41.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 221.

рому германская оккупационная армия должна была оставаться на Украине до прихода сюда войск союзников.

При этом германской военщиной использовались все способы, чтобы спровоцировать немецких солдат на выступление против украинского народа. Дело доходило до того, что солдатам внушалось, что большевики будто бы намерены отрезать им путь отступления на родину и полностью уничтожить их здесь, на Украине.

Правда, рабочие и крестьяне Украины не раз предупреждали солдат оккупационной армии, что если они не прекратят выполнять роль палачей украинского народа, то они будут уничтожены.

Так, например, в августе 1918 г. съезд повстанческих комитетов Киевской области обратился со следующим предложением к солдатам оккупационной армии:

«Если в этой последней решительной борьбе станете на сторону рабочих, Вы придете в великую нашу пролетарскую семью. Если же Вы станете против нас, мы со стиснутыми зубами и с каменеющим сердцем вырвем из сердца мысль о том, что Вы наши братья.

И мы будем беспощадны. Ни один из вас не вернется домой, кто встанет на пути восставшему пролетариату и крестьянству».

Германская военщина изо всех сил старалась не допустить возможности мирного ухода оккупационных войск из Украины. Чтобы настроить солдат против трудящихся Украины, германские офицеры прибегали даже к таким средствам провокации, как убийства членов солдатских советов, причем вина за эти провокационные убийства сваливалась на украинских большевиков.

В этой обстановке единственным выходом для трудящихся Украины оставался переход во всеобщее наступление на армию австро-германских оккупантов и их союзников.

Свое генеральное наступление на войска оккупантов украинский народ начал при братской помощи великого русского народа. Уже 11 ноября 1918 г. Совнарком под председательством В. И. Ленина дал директиву Реввоенсовету республики начать наступление для поддержки восставших рабочих и крестьян Украины.

13 ноября правительство Советской России аннулировало Брестский договор. Вслед за этим по инициативе В. И. Ленина был создан Украинский Реввоенсовет во главе с товарищем Сталиным. Красная Армия двинулась на помощь повстанцам.

К началу наступления на южном фронте группировка германских, австрийских и гайдамацких войск сводилась к следующему:

На Брянском направлении	4	пехотные дивизии
» Курском »	3	» »
» Воронежском »	3	пехотных и $\frac{2}{3}$ кавалерийской дивизии
Внутри Украины	10	пехотных и 1 кавалерийская дивизия
В Крыму	2 $\frac{2}{3}$	пехотной дивизии.

Группировка сил Украинской Красной Армии, как это было уже отмечено выше, сводилась к следующему:

Киевское направление—1-я Украинская повстанческая дивизия.

Харьковское направление—2-я Украинская повстанческая дивизия.

С левого фланга в Донецком направлении (Старобельск—Луганск) группировались части 9-й дивизии Красной Армии.

Таким образом, более чем четырехсоттысячной армии германских интервентов была противопоставлена горсточка бойцов Красной Армии в шесть-семь тысяч человек.

Начиная это невиданное в истории войн наступление, партия большевиков имела в виду, что:

1. Наступление украинской повстанческой армии и частей Красной Армии вызовет еще больший подъем *отечественной* войны украинского народа против иностранных оккупантов, буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции.

2. Оккупационная армия австро-германского империализма, основательно ослабленная непрерывными боями с партизанами и разложившаяся в результате восьмимесячного советского окружения и революции в Германии, не сможет оказать должного сопротивления революционной Красной Армии.

19 ноября Украинский Реввоенсовет во главе с товарищем Сталиным прибыл в Курск для руководства наступлением.

Первые же дни боев выступивших из «нейтральной зоны» повстанческих дивизий под руководством Щорса, Боженко и Черняка и частей Красной Армии показали, что расчет большевиков был верным. Вслед за повстанческими дивизиями поднялся весь украинский народ.

Враги народа—троцкисты, бухаринцы и замаскировавшиеся белогвардейцы всеми силами пытались затянуть организацию помощи украинскому народу, срывая вооружение, снаряжение и снабжение продовольствием. Троцкий тайно противодействовал выполнению директивы Ленина о наступлении на украинском фронте. 22 ноября товарищ Сталин, срочно вызванный в Москву Лениным, телеграфировал Реввоенсовету украинской армии, что главному командованию приказано срочно дать распоряжение о поддержке украинской армии, а копии этих распоряжений прислать в Совнарком. «Копии нужны нам для проверки, и если заметим фальшь, никого не пощадим»,—телеграфировал товарищ Сталин. Саботаж Троцкого был сломлен. Началось наступление.

28 ноября командир Богунского полка Щорс телеграфировал украинскому Ревкому, что им заняты посад Ардон и селения Чернецкая, Богородское и Коржевка в районе Клинцов; «...всюду восстановлены Советы и военно-революционные комитеты. Население везде встречает радостно. Большой наплыв добровольцев, за которых рвутся Советы и комитеты бедноты».

В том же Киевском направлении, на левом фланге Богунского полка, на Стародуб наступал Таращанский полк Боженко, а еще левее, в направлении на Новгород-Северск, наступал Новгород-Северский полк Черняка.

Вторая Украинская советская дивизия вела наступление в Харьковском направлении. Уже 20 ноября 7-й Суджанский полк этой дивизии занял Рылск. Не выдерживая натиска украинской Красной Армии, немцы отступали по всему фронту.

Одновременно повсеместно на Украине начали боевые операции против немцев и гетманцев партизанские отряды.

Партизанский отряд в количестве 300 человек 17 ноября внезапно налетел на Конотоп и деликом уничтожил там весь гарнизон оккупантов. При этом было захвачено пять пулеметов и пять тысяч винтовок. Во многих уездах Полтавской губернии вооруженные отряды крестьян изгоняли из пределов уезда немцев и гетманских чиновников.

Повсюду по изгнании оккупантов восставшие рабочие и крестьяне Украины восстанавливали власть Советов.

В Харьковской губернии во второй половине ноября в восьми районах Изюмского уезда рабочими и крестьянами, изгнавшими немцев, была установлена советская власть.

Повстанцы Михайловской, Сергеевской и Преметневской волостей несколько дней вели бои с немцами и гайдамаками. Активную помощь оккупантам здесь оказывали немецкие колонисты из колонии Васильевки Барвенковской волости. Повстанцами из слободы Прелестной эта колония была разоружена.

В Екатеринославской губернии к 27 ноября в руках повстанцев оказались Новомосковский, Верхнеднепровский, Александровский, Павлоградский и часть Екатеринославского уезда.

Под руководством большевистских организаций здесь была установлена советская власть.

По селам и деревням крестьяне уничтожали немецкие гарнизоны. Так, в селе Мижиреч Павлоградского уезда 22 ноября произошло сражение между крестьянами и отрядом интервентов. При поддержке крестьян из соседнего села Булаховка мижиреченцы с криками «ура» бросились на немцев и вартовых. Шумом подражая пулеметной стрельбе, крестьяне нагнали на немцев панику. Вартовые и немцы бросились в бегство через реку, где их много погибло. 5 пулеметов, 32 пуда патронов и много винтовок досталось крестьянам.

Подобное паническое бегство немецких солдат стало повсеместным явлением. Стоило в каком-либо селе организовать партизанскому отряду и объявить свою власть, как немцы мигом оставляли его и уходили в направлении на запад. Из Семеновки, в сорока километрах к югу от Стародуба, партизаны в своем письме—«просьбе к советским войскам»—сообщали, что «2 декабря сего 1918 года утром революционный отряд, организованный в м. Семеновке, без пролития крови захватил власть в свои руки».

В начале декабря Белгородский ревком, изгнав немцев из города, захватил власть в свои руки. Власть Советов быстро восстанавливалась по всему уезду.

По мере продвижения частей Красной Армии в глубь Украины их численный состав быстро пополнялся большим количеством добровольцев.

Богунский, Таращанский и другие полки украинской Красной Армии уже через месяц после начала наступления из «нейтральной зоны» выросли в три-четыре раза. Так, например, Новгород-Северский полк, имевший 600 штыков, теперь уже состоял из 1 600 бойцов.

Вместе с армией оккупантов бежали и войска петлюровской «директории».

Главные силы Петлюры, состоявшие из Запорожской, Республиканской и Черноморской дивизий и нескольких мелких частей, составляли около 30 тысяч штыков¹.

Эти петлюровские войска быстро разлагались, как только входили в соприкосновение с частями Красной Армии. Серьезного сопротивления они почти нигде не оказывали. В одной из телеграмм в штаб 1-й Украинской советской дивизии командир Богунского полка Щорс сообщал, что захваченные в плен петлюровцы «дали честное слово, что драться больше не будут. Наоборот, поступая в наши ряды, они заявили, что перейдут все на нашу сторону, их 600 человек». Ряды петлюровцев быстро редели. Командующий петлюровскими войсками полковник Капустинский в своем докладе Петлюре от 17 января 1919 г. писал, что «наступление большевиков находит решительную помощь у местных большевиков и населения... А самое главное это то, что население вообще большевикам симпатизирует и оказывает им активную помощь, выставляя целые партизанские отряды...»

В этом же докладе Капустинский делает вполне резонный вывод: «Ясно, что Полтава вскоре будет оставлена нашими частями. Большевики поведут операцию на Павлоград, который еще до сих пор в руках местных большевиков, и дальше на Екатеринослав. Решительного отпора в этом направлении они не встретят. От Полтавы они поведут наступление на Кременчуг. Вообще вся южная часть левобережной Украины будет отрезана от нас, и мы лишимся связи с Доном... Своими силами одолеть большевиков, организованных и местных, безусловно невозможно... Вообще лишь своими собственными силами бороться с надеждами на успех против большевиков мы не можем».

Пессимизм петлюровского полковника был вполне обоснованным.

Уже 12 января Щорс телеграфировал в штаб дивизии: «В 12 часов дня 12 сего января первым Богунским полком с боем взят Чернигов. Взятые два трехдюймовых орудия, много пулеметов, винтовок и проч. Кроме того, взята автомобильная колонна, панцирный и боевой дивизион и пулемет; потери неприятеля значительны, наших ранено только несколько человек. Неприятеля преследуем до поздней ночи».

Та же картина панического бегства оккупантов и петлюровцев наблюдалась и в Харьковском направлении. 20 января Ленину телеграфировали, что «после шестнадцатичасового боя Полтава взята нашими частями. Взят броневой поезд, одна легкая и одна шести-дюймовая батарея, масса снаряжения. Противник в панике бежит к Кременчугу»².

Во многих пролетарских районах, не дожидаясь прихода Красной Армии, рабочие под руководством большевистских организаций уста-

¹ Основная их масса (около 20 тысяч) концентрировалась возле Киева; 5-й корпус гайдамаков был расположен в районе Чернигова.

² Полтава была взята частями 2-й Украинской советской дивизий.

навливали советскую власть. Уже в конце ноября 1918 г. в Павлоградском, Кашенском, Нижнеднепровском и Новомосковском уездах Екатеринославской губернии рабочими были созданы Советы.

В самом Екатеринославе весь декабрь большевики вели упорную борьбу с немцами, петлюровцами и стоявшими здесь частями 8-го корпуса добровольческой армии.

После долгой и упорной борьбы добровольческие части и немцы были изгнаны из города.

С помощью прибывшего из Новомосковска повстанческого полка, а затем частей 2-й дивизии украинских советских войск рабочие Екатеринослава в январе 1919 г. разгромили и изгнали из города также и петлюровцев.

Таким образом, для интервентов создалось положение, когда, с одной стороны, на них неуклонно и систематически наступали все растущие и усиливающиеся части Красной Армии, а с другой— грозно бушевало пламя партизанской войны. Теперь немцы все до последнего солдата понимали, в каких железных тисках они окажутся, если своевременно не оставят пределов Украины. Ужас охватил армию интервентов. Началось паническое бегство. Один из германских офицеров в своих воспоминаниях писал: «Около 300 тысяч солдат, вышедших из подчинения своим начальникам, устремились на родину через страну, охваченную восстанием, в которой больше не существовало ни авторитета, ни порядка, где царили произвол и партизанская война. Впереди была суровая русская зима, всюду нас окружали враги...

...Армия была обезоружена, разорена, ограблена... То была неопишуемая картина нищеты и страданий в суровых снежных пустынях России».

Героическая Красная Армия громила бегущего в панике врага. Побросав оружие, снаряжение, больных и раненых, немецкие захватчики без оглядки бежали на запад. Бросив армию на произвол судьбы, первыми бежали кайзеровские генералы.

Эта картина бегства германской оккупационной армии с Украины очень многим напоминала аналогичную страшную картину отступления «великой армии» Наполеона в 1812 г. из России. Как и в 1812 г., крестьянские партизанские отряды разоружали, а когда встречали сопротивление, то и уничтожали части оккупантов и гнали вон за пределы своей страны. Земля украинская покрылась десятками могил чужеземных захватчиков.

К началу 1919 г. австро-германская оккупационная армия на Украине перестала существовать. Ни одного немецкого солдата не осталось на украинской земле. Так закончилась германская авантюра 1918 г. Советский народ жестоко наказал захватчиков.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО КОМИТЕТА

КРАТКАЯ ИНСТРУКЦИЯ МЕСТНЫМ ПОВСТАНЧЕСКИМ КОМИТЕТАМ

1) Для организации народного сопротивления вторжению карательных отрядов немцев и их союзников при каждом местном Совете, находящемся в полосе, которой угрожает или может вообще угрожать неприятельское вторжение, заблаговременно учреждается особый «Повстанческий Комитет».

2) Так как в случае захвата немцами такого Комитета, члены его, несомненно, будут расстреливаться,—никто, кроме особо доверенных на то лиц, не должен знать не только поименно, кто состоит в Комитете, но даже и о существовании самого Комитета.

3) Исполнительный Комитет Совета (местного) выбирает только одного ответственного перед ним организатора Комитета. Этот организатор подбирает уже себе сам особо надежных людей в товарищи, для постановки и ведения всего дела. Он держит связь—сам или через доверенного—со своим Советским Исполнительным Комитетом и с Центральным Повстанческим Комитетом, явку к которому он получает через свой И. К.

4) В заведывании Местного Повстанческого Комитета находятся местные склады оружия и боевых припасов, предназначенных как для местных партизанских отрядов, так и для народного ополчения. Исп. Комитет ведет инструкторами, которых подготавливает для данного района ближайший партизанский Штаб.

5) Местный Повстанческий Отряд, Комитет устанавливает связь со всеми, по возможности, населенными пунктами (селами, местечками, деревнями) в районе ведения Местного Совета. Для этого в каждом пункте он находит особо надежного доверенного человека, который принимает на себя:

а) Оповещение Комитета о всяких передвижениях и предприятиях неприятеля в районе деревни, села или местечка, в котором он живет.

б) Организацию сопротивления неприятелю в этом районе.

Примечание: Односельчане не должны знать, кто доверенный Повстанческого Комитета.

6) Для своевременного оповещения Комитета, равно как и для передачи в соседнюю деревню разных сообщений и распоряжений Комитета, сельский доверенный подыскивает себе из среды односельчан двух, трех или четырех «вестовых», которые и переносят нужные сообщения доверенного соседнего села или деревни. Сообщения эти всегда должны делаться устно. Никакой переписки по повстанческому делу вообще вести нельзя, ни под каким видом. Как ни запятывай записку, ее могут найти, а если найдут, обязательно расстреляют вестового, и самое сообщение попадет в неприятельские руки и может причинить крупные беды. Поэтому для вестовых надо брать хорошо грамотных и памятливых людей, чтобы сообщения передавались верно.

7) Сопротивление неприятелю при прохождении его через район может быть оказано двояко: а) партизанскими отрядами (дружинами) и б) ополчением.

8) Партизанские отряды образуются доверенным из самых храбрых, готовых жизнь отдать, решительных и сметливых односельчан, в любом количестве; оружие и патроны для них доверенный получает через Советский Комитет, из имеющихся в его распоряжении складов; обучение их партизанскому делу ведется или самим доверенным, если он к этому подготовлен, или особыми инструкторами, которых дает Местный Повстанческий Комитет; дружины могут и от себя посылать в ближайший партизанский штаб выборных для обучения при этом Штабе.

О каждой образованной и вооруженной партизанской дружине Местный Повстанческий Комитет сообщает ближайшему Штабу Партизанских отрядов, от которого и получает в дальнейшем все необходимые боевые указания, равно как и содействие оружием и если понадобится—деньгами.

Партизанская дружина при боевом известии о появлении неприятеля в районе, выходит из деревни, скрывается в стороне от дороги, по которой движется неприятель, и действует далее по обстоятельствам и по тем указаниям, которые могут быть даны ей Штабом Партизан. Она нападает на неприятеля, если можно наверняка рассчитывать на успех, или попросту тревожит его, портит перед ним и в тылу у него мосты и гати, обрезает проволоку телефонов и телеграфа, если он ее прокладывает, и так далее.

Каких-нибудь указаний, что делать и как делать, дать заранее нельзя: партизан решает сам на месте, по обстановке судя, как ему действовать. «Быть партизаном»—не научишь: партизаном родиться надо.

Одно только надо помнить: так как немцы за каждое нападение на них жестоко разделяются не только с партизанами, но и с мирным населением тех деревень, в районе которых произошло нападение,—надо, по возможности, выбирать для нападений места подальше от населенных пунктов, чтобы нельзя было определить, из какой деревни отряды. При нападении на патрули и разъезды надо стараться брать их целиком, чтобы никто не убежал, и после боя место боя расчистить, чтобы, по возможности, нельзя было определить, где именно пропал патруль. В свою деревню партизанская дружина возвращается только после того, как неприятель уйдет из района: пока он в нем держится—им показываться на людях опасно. Для продовольствия можно или при наступлении захватить с собой запас и запрятать в каком-нибудь заранее избранном глухом месте, или попросту взять на себя запас, или заходить в деревни в стороне от тракта, по которому идет неприятель.

С неприятелем, который численно сильнее и идет в порядке, в боевой готовности, дружинам в бой отнюдь не ввязываться: надо при обходе такого отряда захорониться, пропустить его и, если обстреливать, то только тогда, когда местность позволяет быстро ускользнуть от него, если он вздумает преследовать.

Обязательно о всем замеченном, где и когда неприятель прошел и сколько его—конных и пеших, есть ли пушки и пулеметы,—обо всем этом сообщать при первой возможности доверенному ближайшего села: Начальнику Отряда доверенные его района должны быть известны.

9) Ополчение местное подымается доверенным в тех случаях, когда надо «наваливаться» на неприятеля в один раз, что называется «всем миром». В этом может случиться надобность, если в село или окрестности зайдет неприятельский отряд такой численности, что можно рассчитывать его взять силами местного населения целиком, а других неприятельских отрядов поблизости не будет. Тогда доверенный, а еще лучше начальник местного партизанского отряда вызывает всех добровольцев из местных жителей, у кого имеется оружие или огнестрельное, или топоры, вилы и косы, и поговору с ними распределяет их на партии и ведет нападение. Нападать всегда врасплох, лучше всего ночью, и до нападения постараться снять часовых, чтобы не подняли тревогу. И как во всех партизанских нападениях, надо особенно стараться, чтобы из отряда неприятельского никто не ушел; иначе неприятель может в отместку прислать другой карательный отряд для расправы. Если же отряд взят целиком,

легко скрыть следы нападения и уберечь деревню от неприятельской местности.

После каждого такого нападения ополчению расходиться по домам, на обычную работу.

Огнестрельное оружие для тех ополченцев, которые стрелять обучены, должно находиться на учете у доверенного, который получает его от Местного Советского Повстанческого Комитета. Держать его в деревне (на руках у ополченцев или в особом складе) можно только до тех пор, пока неприятель *далеко* от района. При вступлении его в район все оружие огнестрельное и патроны обязательно должны быть вынесены из деревни подальше от жилья,—в особый потайной склад, о котором доверенный должен озаботиться заблаговременно, или попросту оружие надо перевезти в другую деревню—в стороне от неприятельского движения. Оставлять ружья, патроны и пр. в домах не следует, так как неприятель, проходя деревню, непременно обыщет ее и, если найдет оружие, учинит самую жестокую расправу.

Использовать же оружие, пока неприятель занимает деревню, все равно не удастся, ведь пришлось бы вынимать его (если оно запрятано) у него же на глазах.

Издание ЦПК
